

ДОМ МИСТЕРА КРИСТИ

Влада
Ольховская

Леон Аграновский и Анна Солари

Влада Ольховская
Дом мистера Кристи

«Влада Ольховская »

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ольховская В.

Дом мистера Кристи / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2019 — (Леон Аграновский и Анна Солари)

Судмедэксперт Дмитрий Аграновский обнаруживает, что за несколькими бытовыми преступлениями на самом деле стоит серийный убийца, умело обманывающий полицию. Дело усложняется, когда оказывается, что это не просто маньяк, а подражатель. Он не копирует чужой стиль, он идет еще дальше: он проживает жизнь легендарного серийного убийцы Джона Кристи, охотившегося в Англии в первой половине XX века. Чтобы остановить его, необходимо понять, что ему нужно. Присвоить славу Кристи? Или подставить ни в чем не повинного человека? А если так, то какую роль в этом вынужден будет сыграть похищенный сын одной из жертв – маленький слепой мальчик?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ольховская В., 2019
© Влада Ольховская , 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Карлос де Салазар	9
Глава 2. Китти Дженовезе	18
Глава 3. Джон Реджинальд Халлидей Кристи	32
Глава 4. Рут Фуерст	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Влада Ольховская

Дом мистера Кристи

Пролог

Конец света все-таки наступил, и в мире осталась только она одна.

По крайней мере, так Але нравилось думать, когда она проходила по темным, еще спящим в поздних весенних сумерках московским дворам. Она специально выходила пораньше, ей все равно не спалось. Опыт подсказывал, что пять часов утра делали ее работу менее нервной и унижительной.

В детстве она много кем мечтала стать – но уж точно не распространителем никому не нужной рекламы. Высшая миссия этой профессии заключалась в том, чтобы тайком проникнуть в подъезд, наполнить ящики мусором, который все равно скоро окажется на полу, и побыстрее убраться. Все. Аля с нетерпением ждала возможности вырваться из заколдованного круга, но пока такой возможности не было. Поэтому на плече у нее снова висела сумка, и она брела по пустым дворам, где ей в такое время встречались разве что сонные дворники, такие же несчастные, как она сама.

Когда она только начинала, она верила, что это ненадолго, просто подработка, которая поможет ей выжить, пока она не обоснуется в столице. Но оказалось, что Москва не только не резиновая, она еще и неласковая: никто тут не встречал Алю с расprostертыми объятьями, не давал ей идеальную работу и трехкомнатную квартиру. А распространение всех этих флаеров и бесплатных газет позволяло ей не присоединяться к бомжам, от которых она шарахалась во дворах, так что она задержалась – она бродила по улицам уже полгода.

За это время Аля неплохо изучила все свои маршруты, знала, где опасней всего, а где вряд ли случится что-то плохое. Она старалась побыстрее проскочить подъезды, где хозяева имели очаровательную привычку выпускать собак из квартиры – и забывать о них на пару часов. Летом она опасалась еще и ранних старушек у двери, которые с энтузиазмом рассказывали ей, какая она прошмандовка и как стыдно такой быть, но в первую половину весны они обычно не высывались из своих нор. Был еще подъезд, где с утра пораньше мог болтаться мучающийся от похмелья мужичок, который, получив от властной жены, ненавидел весь род человеческий. Он с удовольствием использовал возможность отчитать Алю, рассказывая, что она, жирная корова, им весь подъезд своими буклетами загадила. После этого хранитель чистоты смачно сплевывал на пол и уходил к себе победителем. После первых таких встреч Аля плакала по вечерам, потом привыкла.

Но то были предсказуемо опасные дворы. Сейчас она подходила к одному из домов, которые она про себя называла «русская рулетка». Старая пятиэтажка располагалась в неплохом районе, здесь жили в основном самые обычные люди – не богатые и не бедные, занятые своими делами, а потому не обращающие на Алю никакого внимания. Все, кроме одной семьи... Поэтому, приближаясь к дому, она все ждала, когда можно будет посмотреть на парковку и определить, возможны сегодня неприятности или нет.

Схема была проста: если там стоит массивный, как динозавр, грузовик, значит, хозяин дома, и можно попасть под горячую руку, а если нет – все нормально, он в очередном рейсе, а его жена сама по себе очень милая.

Грузовик стоял на месте, занимая половину парковки, которая для него не предназначалась и с которой никто не мог его согнать.

– Вот ведь блин, – пробубнила себе под нос Аля.

Семья Гордейчиков, вполне себе русская, отличалась итальянской страстью. Муж работал водителем, отправлялся в рейсы и на неделю, и на две, и на пару месяцев. Жена сидела дома с маленьким ребенком – сынишка родился слепым и требовал постоянного ухода. Иначе в этой семье и быть не могло, но муж все равно жутко ревновал благоверную и после каждого рейса устраивал профилактический скандал. А поскольку возвращался он обычно ранним утром, его скандалы частенько совпадали с визитами Али.

Гордейчики жили на первом этаже и, чтобы не пугать сына, переносили вопли на лестничную клетку. Этим они не радовали соседей, те тоже выглядывали из квартир и присоединялись к крикам. Аля хотела бы не видеть и не слышать этого, но ей нужно было опустить пачку объявлений в каждый ящик, поэтому быстро уйти не получалось. Чаше всего ее замечали и тоже каким-то непостижимым образом втягивали в скандал.

Вячеслав Гордейчик казался ей жутким типом. Соседи небрежно называли его Славиком, хотя Аля не представляла, как можно таким милым словом обозначать здоровенного, злобного и шумного дядьку. Когда она впервые стала свидетельницей скандала в этом семействе, ей даже стало страшно за его хрупкую молоденькую жену. Аля попыталась украдкой расспросить соседей, почему они не вызывают полицию. Гордейчик ведь орал, что убьет ее – и вполне мог убить!

Но соседи беспокойство Али не разделяли. Они пояснили, что знают Гордейчиков уже много лет. Славка Гордейчик – это большая грозовая туча, которая только и способна, что гроыхать. Он обожал сына и любил жену, скандалы считал способом семейного воспитания и никогда не поднял бы руку на своих близких. Аля была убеждена, что все это сомнительные аргументы, но предпочла не вмешиваться. Ее собственное положение в Москве было слишком зыбким, чтобы привлекать внимание полиции.

Так что сегодня, увидев грузовик, она входила в дом с определенной опаской. Она знала код от этого подъезда – как раз благодаря милой и улыбочивой жене Гордейчика. Это давало ей шанс закончить работу побыстрее и убежать, пока ее не заметили.

Однако на сей раз спешить не было необходимости: в подъезде ее встречала тишина. Единственная тусклая лампочка, на которую даже вандалы не позарились, освещала ряды недавно покрашенных почтовых ящиков и вполне чистую площадку перед ними. Со стороны входа Аля не видела, открыта ли дверь в квартиру Гордейчиков, но и проверять не собиралась. Быстрее бы закончить! Может, Славик этот вернулся давно и уже оттрубил свой ритуальный концерт маниакального ревнивца, кто его знает?

Аля быстрым шагом перешла к почтовым ящикам и стала опускать в них заранее заготовленные пачки объявлений. Она сосредоточилась на этом, она так торопилась, что не замечала ничего вокруг. Она привыкла к тому, что опасность, связанная с ее работой, всегда громка: окрики, хамство, скандалы. Ей и в голову не могло прийти, что кто-то тихо подкрадется к ней сзади.

Но это случилось. Она поняла, что уже не одна в подъезде, только когда сильные руки сжали ее плечи и заставили развернуться. Аля крикнула – и от неожиданности, и от того, что над ней теперь нависало бледное, искаженное странной гримасой лицо, которое поначалу даже показалось ей нечеловеческим.

Ей потребовалось несколько минут, чтобы понять, что перед ней Вячеслав Гордейчик. Но как же он изменился! Он всегда представлялся ей жутким типом, а теперь и вовсе походил на чудовище. Глаза шальные, дикие, ноздри раздуваются в частом дыхании, рот искривлен так, будто он сдерживает крик или вой, но у него едва получается.

А еще у него на лице кровь. И на руках, которые держат Алю, тоже кровь. Много – сплошная алая пленка на кистях рук и запястьях.

От ужаса Аля потеряла дар речи, она не представляла, что происходит, как это понимать, как она должна реагировать. Никто не готовил ее к такому! Это вообще реальность или кош-

марный сон? А если все-таки реальность, Гордейчик может ее убить! Нужно что-то сказать, заставить его отступить, оставить ее в покое... Вот только что? Аля боялась его, даже когда рядом была его жена и другие люди. Теперь они одни в подъезде!

Ей казалось, что он не сможет шокировать ее еще больше, но у него получилось. Гордейчик заговорил с ней, и это были не те слова, которых она ожидала.

– Где мой сын? – прохрипел он.

– Что? – с трудом произнесла Аля.

– Где... где он?! Что происходит?!

И это он у нее спрашивает?!

Сына Гордейчиков, Дениску, она видела только один раз. Симпатичный пухлый малыш вышел на лестничную клетку из приоткрытой двери квартиры – и все крики сразу утихли, при нем родители не скандалили. Больше Аля с ним не встречалась!

Однако Гордейчик то ли не помнил этого, то ли вообще не осознавал до конца, что происходит.

– Где мой сын?! – повторил он.

– Я не знаю! Пустите меня! – потребовала Аля.

Отпускать ее он точно не собирался. Гордейчик сжал ее крепче, приподнял над полом и с силой тряхнул, словно желая доказать, что ей лучше перестать притворяться и сейчас же отдать ему сына. А ведь она хрупкой тростиночкой не была, не каждый мужчина бы ее поднял, не говоря уже о том, чтобы вот так трясти!

Он мог с такой же легкостью свернуть ей шею. Эта мысль наполняла сердце Али животным ужасом.

– Помогите! Кто-нибудь!

– Где мой сын?! – не унимался Гордейчик.

– Не знаю! Откуда мне знать? Наверно, с вашей женой!

Это простое, казалось бы, предположение шокировало его не меньше, чем Алю – его нападение.

– Нет... – прошептал он. – Он не может быть с Машкой, не должен! Машка мертва... Я убил ее? Я?..

Наверху защелкали замки, начали открываться двери. Похоже, шум и крики наконец-то привлекли внимание соседей! Это вернуло Але надежду, что все еще будет хорошо, и она с новыми силами закричала:

– Помогите мне! Спасите!

Гордейчик все еще держал ее, но уже не смотрел, словно и забыл, на кого набросился. Его лицо было пустым, казалось, что его мысли не здесь, а где-то далеко. И все равно подоспевшим соседям было нелегко освободить Алю: руки Гордейчика сжались, будто в спазме, он никак не желал отпускать случайную жертву. Потребовались усилия трех мужчин, чтобы оттащить его в сторону. Получилось неловко: Аля не удержалась на ногах, упала, поспешила отползти подальше. Она забыла и про свою сумку с рассыпавшимися объявлениями, и про все на свете, ей просто нужно было защититься от этого психа.

Женщины, выглянувшие из соседних квартир, спрашивали ее, что случилось, почему Гордейчик напал. Что она могла ответить? Да ничего, она с ним не говорила, даже не видела его, пока он не набросился на нее!

У него на руках была кровь.

Он говорил о том, что убил свою жену!

Вспомнив об этом, Аля обнаружила, что кровь осталась и на лестнице – похоже, она капала с рук Гордейчика, когда он спускался. Все это ее не касалось, ей хотелось, чтобы ее оставили в покое. Но она слишком хорошо помнила, что в квартире сейчас слепой ребенок и, возможно, пострадавшая женщина!

Поэтому Аля, пока неспособная говорить, молча указала на алый след. Соседи пошли туда, к квартире Гордейчиков, и Аля последовала за ними. Она не до конца понимала, что делает, ей просто нужно было знать, что там случилось.

В коридоре и прихожей крови было больше, но все это были или капли, или размазанные следы: похоже, Гордейчик то и дело опирался на стены, чтобы не упасть, его шатало. В квартире не было ни намека на погром или следы борьбы. Но и людей тоже не было! Только тишина...

Возле гостиной крови было больше всего, Але даже показалось, что она чувствует специфический сладковатый запах. Она остановилась в коридоре, под ней просто ноги подкашивались, она не могла на это смотреть!

Зато другие могли. Алю грубо оттолкнули в сторону, и она, оставшаяся в коридоре, услышала испуганные голоса из комнаты.

– Боже мой!

– Все-таки убил он Машку... Вот ведь... Как же...

– А где мальчишка их?

– Тут нет...

– Он же не видит ничего, куда он денется?

Вспомнив о мальчике, соседи, пусть и потрясенные случившимся, попытались его найти, обыскали и квартиру, и подъезд, и подвал, даже двор проверить успели до приезда полиции.

Бесполезно. Маленького Дениса нигде не было.

Глава 1. Карлос де Салазар

Дмитрий Аграновский был вынужден признать, что теперь он живет на работе. Потому что только эта жизнь у него и осталась...

Как странно: то, что было построено за много лет, важное, бесценное, развалилось на части всего за пару разговоров. Он всегда был уверен, что семья должна стоять надо всем остальным, что уж он-то не допустит тех нелепых ошибок, которые обычно рушат браки и оставляют детей без отца. Его близкие обязательно будут счастливыми, потому что он должен этого добиться, обязан просто!

Но жизнь не всегда готова соответствовать планам на нее. Да, он придумал себе идеальную семью и свод правил, которые помогут получить ее и сохранить. Но все это не сделало его счастливым, и однажды он принял неверное решение, за которое пришлось платить.

Ему не было и сорока, когда он мог с уверенностью сказать, что у него есть всё. Он преуспел на любимой работе: начал неловким интерном, которому доверяли самые безнадежные, грязные и неприятные дела, а стал уважаемым судмедэкспертом, к мнению которого прислушивались. Его имя знали, его уважали, он мог позволить себе не проводить сутки на работе, он стал уделять больше времени отдыху и семье.

Это казалось ему справедливым: его жена, которую он встретил еще в студенчестве, ко всему относилась с пониманием, она поддерживала его, подарила ему двух замечательных детей. Она не упрекала его за поздние возвращения и работу по праздникам, Мила и сама была врачом, она предпочитала не тратить время на подозрения и пустую ревность. Именно благодаря ее спокойствию он смог добиться всего куда быстрее, чем его коллеги, которых дома ждали скандалы и вечное недовольство. За это он обожал Милу и был уверен, что никогда не обидит ее. Дмитрий никому не признался бы в этом, но сам себя он считал чуть ли не образцовым человеком: все его решения были правильными.

Ему важно было в это верить, и далеко не ради самолюбования. За спиной у него постоянно маячил призрак отца – жестокого серийного убийцы. Дмитрий боялся стать таким. Поэтому ему важно было каждый день напоминать себе, что ему не передалась «дурная кровь», что он – нормальный, и его работа – это один из способов восстановить справедливость. То есть, вроде как компенсировать миру зло, принесенное его отцом.

Но если насчет себя Дмитрий был уверен, то младший брат вызывал у него серьезные опасения. Леон был гораздо больше похож на отца, он отличался его силой – и его взрывным характером. Это Дмитрий считал тревожными звоночками, дефектами, которые надо исправить. Поэтому он проследил, чтобы Леон нашел приличную работу и женился на прекрасной женщине. Разве не это – гарантии простого человеческого счастья?

Но оказалось, что нет, и именно с попытки управлять жизнью младшего брата и начался развал всего, что Дмитрий построил для себя. Он и сам не заметил, как влюбился в Лидию – жену Леона! Он даже сейчас не понимал, как это возможно. Он думал об этом часами – благо бессонница оставила ему немало времени, однако ответа так и не нашел. У нее не было достоинств Милы, она была способна на подлость и доказала это, а он все равно не мог ее забыть. Поэтому, когда Лидия предложила ему быть с ней, он не сумел отказаться. Он хотел этого – ни на секунду не теряя уверенности, что связь с ней не повредит его браку. Наивно? Может быть. Но тогда Дмитрий был убежден, что он останется с Милой, Лидия – с Леоном, и они все равно будут видаться.

Так нет же, Леон все испортил! По крайней мере, так Дмитрию было проще думать. Его брат, который оставил работу в полиции, вернулся к расследованиям и познакомился с какой-то полубезумной девицей, которая сама себя объявила экспертом по серийным убийцам. Этим

двоим никак нельзя было сходиться, а они сошлись, и Дмитрий ничего не смог изменить. До него почему-то только сейчас дошло, что брат вырос и влиять на его жизнь теперь поздно.

Лидии это, конечно же, не понравилось. Она готова была на все, лишь бы удержать мужа. Черт ее знает, зачем ей это надо... Дмитрий давно уже прекратил понимать эту женщину. Но она, беременная от старшего брата, пригрозила рассказать все Миле, если с ней не останется младший.

И вот тут Леон как раз сделал то, за что Дмитрий никак не мог его простить – он отказался подыгрывать! Что он терял, в самом деле? Связь со своей фанаткой маньяков? Так оно и к лучшему! Леон должен был понять, что это ему на благо – семья, советы старшего брата, хорошая спокойная работа... А он как с цепи сорвался. Заявил, что устал жить под чужую диктовку, и ушел. Причем ушел ото всюду – от жены, с работы, из дома.

Он оставил Лидии все, что они нажили вместе, и даже все, что он получил до свадьбы с ней. Другой бы этого, может, и хватило, но она пошла на принцип, ведь была задета ее гордость! Она отказалась давать Леону развод и обо всем рассказала Миле.

Мила, его хорошая, добрая, понимающая Мила, на сей раз понять не смогла. Она не стала скандалить, это было не в ее стиле. Он просто обнаружил, что его ключи больше не подходят к замку их квартиры, а у двери стоят чемоданы с его вещами.

Вот так все и развалилось. Он еще не был разведен, они просто не обсуждали это, потому что Мила отказывалась с ним общаться, и дети полностью поддерживали ее в этом. Он теперь возвращался не в уютный дом, где его ждал вкусный ужин, а в съемную квартиру, к пельменям из морозильника. Лидия капризничала и вопила, что не подпустит его к ребенку. Дмитрий подозревал, что она и тут пойдет на принцип, ему придется обратиться в суд. Леон просто пропал из виду, и Дмитрий понятия не имел, где сейчас его младший брат, с кем, чем занят. Когда его со всех сторон окружали осколки счастливого прошлого, ему только и оставалось, что проводить как можно больше времени на работе. Здесь он мог не думать о том, что случилось, отстраниться от всего, делать то, что он должен, будто своей жизни у него и не было никогда.

Впрочем, сегодня даже работа напоминала ему о собственных ошибках. Перед ним на столе лежала жертва домашнего насилия.

– Вот не понимаю я их, – признал Дмитрий. – Не осуждаю, а именно не понимаю. Как можно жить с тем, кто тебе морду бьет?

Обычно ему не с кем было поговорить, но случалось и иначе. Например, сегодня ему компанию составлял ночной санитар. Правда, компания была специфическая – немногим более разговорчивая, чем «пациенты» морга.

Игорь был пугающего вида верзилой неопределенного возраста. Людей он не любил, поэтому и брал те смены, когда в морге мало кто работал. Многие его даже опасались, но не Дмитрий. Он знал, что вечно угрюмый вид Игоря – всего лишь привычка, агрессии в этом здоровяке не было. Словно желая дополнить образ злобного психа, Игорь еще и говорил мало: каждое слово он выдавал с неохотой, он был эдакой ракушкой, долго выращивающей жемчужину и не желающей показывать ее миру. При этом он был единственным из санитаров, кого Дмитрий частенько видел с книгой.

Вот и теперь Игорь остался верен себе:

– Угу.

Но Дмитрию и не нужно было бурное обсуждение, его вполне устраивало, что его кто-то слушает.

Молодая женщина, которую он видел перед собой, была очень красивой – в прошлом, до того, что с ней сделал муж. Дмитрий не представлял, как вообще можно поднять руку на такое хрупкое, похожее на сказочного эльфа существо. Но ему и не полагалось понимать преступников...

– Досталось ей, бедной, неслабо... Перелом челюсти в двух местах, глаз сильно травмирован, скула рассечена, думаю, там и на кости трещина будет.

На этот раз Игорь не счел нужным издать хотя бы звук. Однако Дмитрий уже не обращал на него внимания, он обошел стол, чтобы рассмотреть тело с другой стороны.

Когда его вызвали, ему сразу сообщили, что виновный известен. От судмедэксперта требовалось только установить причину и обстоятельства смерти, для суда пригодится. Никто и речи не вел о расследовании – зачем, если и так все ясно?

Дмитрий тоже в какой-то момент поддался этому общему настроению виновности по умолчанию. Муж-тиран и убитая им жена... Разве нет? Но теперь, изучая тело, он впервые предположил, что нет.

– Ее перед смертью избили, это точно. Но посмотри на ее тело... Обычно у жертв домашнего насилия скапливается немало шрамов и заживших травм. Мало кто из этих доморощенных психов идет на убийство сразу. Сначала они бьют, проверяя, как будет реагировать жертва. А уже потом, поверив, что ее жизнь принадлежит им, увлекаются и убивают.

– Угу.

Но женщину, которую Дмитрий осматривал теперь, не били. Она отличалась светлой кожей, которая легко сохранила бы шрамы и синяки. Ничего подобного не было! Убитая была ухоженной и здоровой – до того, как ей изуродовали лицо.

Умерла она не от побоев. На шее жертвы сохранилась алая полоса, указывающая, что несчастную задушили.

И эта полоса показалась Дмитрию чертовски знакомой.

– Игорь, а ну-ка подойти сюда!

Санитар поднялся и послушно подошел. Другой бы на его месте поворчал или возмутился, что его отвлекают – они все так делали. Но Игорь подошел с вальяжным спокойствием циркового медведя, который просто выполняет трюк, потому что знает: тогда ему дадут вкусняшку и оставят в покое.

– Что ты видишь? – задумчиво поинтересовался Дмитрий.

– Удушение.

– Это понятно. Вот она, наша причина смерти. Следователь считает, что муж задушил ее своим ремнем. Собственно, когда труп нашли, ремень все еще был на шее, и, уверен, он совпадет с этим следом. Но посмотри на саму петлю!

– Смотрю.

Он и правда просто смотрел, не пытаясь что-то угадать. Вполне в его духе – делать то, что сказали. Но Дмитрию все же помогало молчаливое присутствие другого человека, при таком одностороннем диалоге ему проще было думать.

– Смотри, она не совсем ровная, захлестывается, будто по диагонали. И вот тут давление было чуть меньше... Это верный показатель травмы левой руки, она у него почему-то слабее. Понимаешь, что это значит?

– Нет.

Пока открытие Дмитрия и правда не значило ничего – и ничего не отменяло. Ну, задушил ее муж такой вот петлей. Ну, была у него травма левой руки. И что? Если там достаточно крупный мужик, никакая травма не мешает ему справиться с такой миниатюрной женщиной.

Дмитрий и сам не счел бы это важным, если бы не одно «но», которое меняло весь ход дела: он уже видел такой след на шее раньше, у совсем другого трупа.

– Ты помнишь дело Майковой? – поинтересовался он.

– Нет.

– Пару недель назад была, кажется, в твою смену... Не суть. Молодая женщина, меньше тридцати ей было, найдена задушенной в своей квартире. Понимаешь, к чему я клоню?

– Нет.

– К тому, что у нее на шее был точно такой же след! Такая же петля, с диагональю, давление левой руки меньше... Это не типичный след для удушения. Не уникальный, конечно, но и не самый распространенный.

Тело Майковой давно покинуло морг, ту женщину похоронили. Но Дмитрий отличался великолепной памятью, поэтому он и уловил сходство. У него остались фотографии, отчеты, и, закончив новое вскрытие, он мог сравнить их.

Но все это казалось ему лишь условностями. Дмитрий всегда доверял своей интуиции, и она, словно желая отплатить ему за это, редко подводила. Он чувствовал, что не бывает таких совпадений: небольшой промежуток времени, две красивые молодые женщины, один способ убийства...

Получается, смерть женщины, которая лежала перед ним на столе, – это уже не домашнее насилие. Она – звено в цепи, а перед Дмитрием сейчас могла раскрыться серия убийств, которую никто не заметил.

* * *

Часы не останавливались ни на миг – одна скорость, один ритм, один и тот же круг. Они казались Леону лучшим символом того, во что превратилась его жизнь.

Многие сказали бы, что ему повезло, что судьба любит наглых. Настаивая на разводе с женой, он знал, что потеряет поддержку близких – по крайней мере, на время, пока они не смирятся с его решением. Ему было все равно. Тогда его не покидало чувство, что его со всех сторон оплетает паутина, липкая, серая, грязная. Он задыхался в этом коконе, ему нужно было вырваться на свободу любой ценой, а потом уже решать, как быть дальше.

Поэтому он ушел, оставив Лидии все, ушел в никуда, с пустыми руками. Лидия не была бы собой, если бы просто смирилась и оставила его в покое – королеву ведь задел! Когда-то она помогла ему устроиться на престижную работу, стать начальником охраны уважаемого бизнесмена. Теперь она использовала те же связи, чтобы Леона уволили. Она думала, что нанесет этим серьезный удар, а Леон и рад был уйти. Если сжигать мосты, то все сразу, что уж там!

Собственно, это и было то социальное дно, которым с детства пугал его Дима. Но на проверку оно оказалось не таким уж страшным. Леон не чувствовал ни беспомощности, ни безысходности, он точно знал, что найдет себе новое место – рано или поздно.

Получилось рано, он даже не успел почувствовать себя брошенным и бездомным. То ли правду говорят про то, что возможности появляются, когда они больше всего нужны, то ли ему просто повезло. С ним связался Ярослав Мазенцов – его бывший сослуживец, с которым они не виделись, собственно, со времен армии. Причем Ярик звонил не светские беседы вести, у него было деловое предложение.

Он только вернулся в Россию и оказался почти в таком же положении, что и Леон: без устоявшейся жизни, но окрыленный. Правда, у Ярика еще и была бизнес-идея. Он хотел основать агентство по аудиту безопасности, которое позволяло бы компаниям и влиятельным людям оценить, насколько хорошо они защищены в эти беспокойные времена; для них ведь любые времена – беспокойные.

У Ярика был неплохой стартовый капитал, обаяние и наглость. Он знал, как убедить клиента, что без проверки системы безопасности уже завтра его захватят террористы, а то и вовсе похитят пришельцы. Чего Ярику не хватало, так это фактических знаний о том, как эту систему оценить. Он и армию на шуточках и бодром настроении прошел, и дальше летал по миру мотыльком. Он многое знал и умел, однако этого никогда не хватило бы для серьезной работы. Поэтому ему нужен был профессионал – и он сразу подумал о Леоне.

Так что Леон не задержался в роли никчемного бродяги, которую предрекал ему брат, а сразу стал совладельцем бизнеса. Правда, Дмитрий об этом не знал, но его мнение больше не волновало Леона.

Маленький бизнес неожиданно двинулся вверх с удивительной скоростью, очень уж удачно таланты Леона и Ярика дополняли друг друга. Они устраивали покушения, похищали детей, врываются в офисы и брали заложников. Еще один факт, который, пожалуй, стоило бы узнать Диме! И почти всегда они преуспевали, к немалому удивлению службы безопасности, которая относилась к любым проверкам скептически.

Дальше все зависело от клиента. Те, что были поглупее, устраивали своим охранникам скандал и увольняли половину штата. Те, что поумнее, не увольняли никого, они просто платили Леону и Ярику за обучение персонала. В любом случае, компания оставалась в выигрыше.

Денег хватало – и становилось все больше. Лидия, следившая за изгнанным супругом, быстро проведала об этом. Она попыталась надавить на жалость и приманить Леона обратно. Его это даже не разозлило – он больше ничего не чувствовал по отношению к ней. Он пообещал Лидии помогать ей деньгами, ему было несложно, но с одним условием: она согласится на развод. Иначе – никаких денег, и алименты она у него не отсудит, потому что ребенок не его.

Лидия согласилась, и еще до Нового года он стал официально свободным человеком.

Ярик нашел ему квартиру – стильную студию на последнем этаже новостройки. Леон забрал свою старую машину. Он много работал, мало тратил, потому что тратить ему не хотелось, и его банковский счет увеличивался куда стремительней, чем в годы работы начальником охраны.

Вот в этом ему и слышалось тиканье часов, пронизавшее его новую жизнь насквозь. Тик-так. Дом-работа. Задание-гонорар. Недовольный охранник – довольный клиент. Все одно и то же, каждый раз, ничего не меняется и ничего уже не радует. Ему казалось, что он просто ждет чего-то... Если бы он задумался, он бы без труда понял, чего, но он не позволял себе задумываться, слишком уж тяжело от этого становилось. Куда проще жить, не оглядываясь назад!

Тик-так...

Ему не хватало тех дней, когда он вел расследования. Вот тогда он чувствовал себя сильным, нужным – живым! В этом противостоянии он действительно приносил пользу, он оставивал тех, кого больше не остановил бы никто. Он не стеснялся того, что с детства критиковал в нем старший брат: силы, злости, гнева. Он спасал жизни!

А еще рядом с ним была она. Анна... первый человек, который понял его настолько хорошо, что сказал ему правду. Нет никакой «дурной крови», любить отца – не преступление, даже если он был убийцей, и можно быть собой, если это помогает другим, а не вредит им. Почему нет? Зачем вообще нужна «нормальная жизнь», которую восхвалял Дима? Она похожа на одну из тех сувенирных тарелочек, которые на специальных подставках водружают на полку: вроде, выглядит красиво, а пользы – ноль, только пыль собирается.

В Анне была свобода, к которой он рвался. Он ведь тоже понимал ее, она не казалась ему сумасшедшей, как Диме и многим другим. Странной – да, может быть, кто ж еще будет жить под землей и знать все о людях, которых лучше бы забыть навсегда? Но его не отпугивала эта странность, даже очаровывала. Он ценил в Анне честность, которая, если задуматься, и не позволяла им сблизиться, пока он женат на Лидии. Но если убрать это препятствие, то, может... Леон и сам не мог сказать, чего именно он ожидал. Ему просто казалось, что когда он освободится, все решится само собой.

Должно решиться!

Но Анна неожиданно оказалась не такой, как он ожидал. Понятно, что разрушенные ожидания – это всегда вина того, кто их построил. Леону от этого легче не становилось. Она была для него экспертом по серийным убийцам, человеком с принципами самурая, а превратилась

вдруг в обычную содержанку. Не худшую, не такую, как Лидия, но в случае с Анной Солари, любая слабость, любое проявление корысти казалось ему непростительным. Словно она предавала саму себя!

Он узнал об этом в день, когда ему казалось, что все у них может получиться. Накануне они с Анной поссорились из-за того, что он никак не может избавиться от влияния Димы и постоянно живет во лжи. И Леон понял – она права! Слишком долго он пытался быть хорошим для всех, пора бы пожить собственной жизнью. Он ехал к ней, чтобы рассказать об этом – а на пороге столкнулся с ее мужем.

С. Ее. Мужем.

С мужем, о существовании которого он даже не догадывался! Хотя понятно, почему: брак был заключен совсем недавно, между делом, без романа и без свадьбы. Это, по сути, была афера, которая не считалась преступлением лишь потому, что обе стороны о ней знали и все одобряли.

Мужем Анны неожиданно стал Ян Мещерский. Смазливая мордочка этого новоявленного супруга недаром показалась Леону знакомой! Мещерский был известным пианистом и композитором. В скромном возрасте тридцати лет он уже сколотил приличное состояние, его имя знали почти на всех континентах, эксперты мира музыки его обожали. А он, худой, болезненный, старался держаться в стороне от толпы, казалось, что его пугает все на свете.

И вот в такое существо Анна влюбилась? За него вышла замуж?! Леон тогда не сдержался и спросил ее об этом прямо. Она в ответ лишь расхохоталась:

– О да, вспылала страстью и не смогла устоять! Ты что, не знаешь меня? При чем тут бразильская мыльная опера? Я вышла за Яна замуж, потому что он попросил меня об этом.

– Да, так обычно бывает у нас, у людей: мужчина просит женщину выйти за него замуж, она соглашается!

– Он не поэтому попросил.

Ян уже много лет боролся с онкологией – с переменным успехом. Это кого угодно подкосило бы, а он еще и отличался склонностью к ипохондрии. Он вбил себе в голову, что скоро умрет, о нем все забудут, словно и не было его! Он решил, что оставит все свои деньги Анне, а уж она позаботится о том, чтобы его наследство не умерло вместе с ним. К ней должны были перейти не только деньги и дома, но и авторские права на всю созданную им музыку.

– Почему именно ты? – поразился Леон.

– Потому что у него никого больше нет во всем мире. Представляешь – так бывает.

Отец Яна умер еще до его рождения, мать – когда он был ребенком. В какой-то момент он оказался в одном приюте с Анной, так и познакомились. Ян был нервным, болезненным мальчиком, который на всех смотрел запуганным зверьком. Но Анне он поверил: даже наблюдая за ними теперь, Леон видел обожание в его глазах. Однако он любил Анну не как мужчина любит женщину, скорее, это было восхищение неким высшим существом, силой и заботой, которую обычно получают от разных людей – от матери, сестры, друга... Анна Солари была для него всем сразу, и когда она согласилась на его условия, Ян стал заметно счастливее.

Так что это был не настоящий брак. Это было даже не мошенничество и, по-своему, вполне оправданный поступок. Но Леон просто не мог принять его – не от нее. Та Анна, к которой его тянуло, относилась к деньгам равнодушно, они были для нее лишь инструментом. И она вдруг решила на брак ради того, чтобы унаследовать состояние? Она, недавно упрекавшая его за то, что он поддается на шантаж Лидии, врет себе и окружающим?

Он не сумел поддержать это ее решение. Сказалась усталость последних дней, проблемы в его собственной семье – он даже не дал ей все объяснить. Анна намекала, что он многого не понимает, но он не желал слушать. Идеалу не дозволено сходиться с пьедестала, правильно? Поэтому вся эта возня с деньгами, с наследством, с избалованным мальчишкой, который был

болен, но не обречен... Он не желал это терпеть. Он ушел из ее дома, не прощаясь, он бы и не смог нормально говорить с ней.

Может, все сложилось бы иначе, если бы они обсудили это спокойно. Но – не получилось. Молодые супруги уехали из России, Леон узнал об этом из газет. У Яна, несмотря на проблемы со здоровьем, был запланирован мировой тур, а Анна всегда старалась проводить зиму в теплом климате, ей так было проще.

Вроде как она была потеряна для него навсегда. Леон понимал это, но почему-то сам себе не верил. Поэтому он жил жизнью, в которой были все условия для счастья, кроме самого счастья. Он слушал мерный бой часов, существовал в одном ритме с ними и ждал, пока что-то случится.

Часы шли. Ничего не случалось. Прошла зима, наступила весна. Но жизнь ведь тоже не вечная – все закончится, даже если он не дождется.

– Ты стал таким скучным! – в который раз пожаловался Ярик. – В армии нормальный ж мужик был!

– Мы тут, вообще-то, не детские праздники организуем. Моя скука тебе на пользу.

– В определенной степени. Но ты совсем робот! Seriously, еще чуть-чуть, и я начну доказывать нашим клиентам, что ты – человек, а то они верить перестанут. Я и сам иногда не верю! Это ты все из-за своей бабы капризничаешь?

– Какой еще бабы? – насторожился Леон.

Как бы он ни злился на Анну, Ярику не положено было знать о ней – и уж тем более обсуждать.

Но Ярик и не знал.

– Так этой, жены твоей... Нехило она у тебя оттяпала! Хочешь, найдем толкового адвоката и вернем тебе квартиру?

– Не надо. Оставь Лидию в покое, ей скоро рожать.

– Да мне-то что? Я ей, что ли, рожать мешаю, руками что-то затыкаю? Нет. Мне просто тебя жаль.

– Нечего меня жалеть.

– Да конечно... Сейчас самое время жить в кайф – а ты хрен знает чем занят! Я, может, беспокоюсь за тебя!

– Это лишь указывает, что у тебя слишком много свободного времени. Нет причин за меня беспокоиться, говорю тебе.

– Ага, как же, говорит он... Щас!

Ярик подхватил со стола планшет и начал что-то искать. Леон бросил на него удивленный взгляд:

– Ты-то чего вдруг засуетился?

– Да штуку одну вчера нашел, хотел тебе показать, но забыл. Теперь вот вспомнил!

За несколько месяцев работы роли в их маленькой компании распределились и устоялись.

Ярик находил клиентов и занимался документами. Леон продумывал проверку и, если нужно, привлекал помощь со стороны. Второе отнимало куда больше времени, которое Ярик, скучая, проводил не только в клубах и на вечеринках, но и на развлекательных сайтах.

– Вот, нашел! – с торжествующим видом объявил он, глядя на экран планшета.

– Мне это действительно интересно или мне придется слушать какую-то муть, потому что у меня нет выбора?

– Считай это психологическим тренингом!

– Ярик, ты знаешь о психологических тренингах не больше, чем о брачных ритуалах тихиходок.

– То есть, ровно столько, как все коучи. Но я-то работаю для тебя бесплатно – цени! Так вот, ты знаешь, кто такой Карлос де Салазар?

– Нет, и не хочу знать.

– Мужайся – я все равно расскажу! Это был такой испанский чувак, который, вообщето, продвинулся нехило – он стал доктором. А в Испании доктор – это как у нас депутат!

– На самом деле, нет.

– Не суть, – отмахнулся Ярик. – Так вот, этот Карлос долго учился, пыжился, чтобы подстроиться под систему. И только у него все получилось, как он подумал: на фиг надо вообще?

И ушел. В лес ушел. Все, говорит, плевать, буду жить в лесу, на белок гляючи! А было ему двадцать шесть лет, вот примерно как тебе сейчас.

– Мне сейчас конкретно так больше.

– Не важно, мозгов тоже как у ребенка! Все решили, что с ним произошла беда. Ну не может человек, который прошел все круги ада и только-только оказался на прямой дороге к успеху, быть таким придурком! Поэтому его начали искать, но безуспешно. Четырнадцать лет спустя сдались все и объявили, что таки помер он под каким-то пеньком. А еще через шесть лет, то есть, через двадцать лет после того, как Карлос учесал в закат, два грибника наткнулись в лесу на диковатое, заросшее бородой по самые Нидерланды чмо. И что ты думаешь? Это был уважаемый доктор де Салазар! Оказалось, что двадцать лет назад у него проглядели клиническую депрессию и он решил, что в лесу лучше. Дом, машина, работа – это мирское. Лес – вот это вещь!

– Ну и к чему мне эта притча о похождениях одной бороды?

– К тому, что с тобой может случиться то же самое! – скорбно заявил Ярик.

– А ты, смотрю, тоже врачом заделался, как одичавший доктор.

– Нет, я просто твой друг – и я о тебе беспокоюсь! Я уже вижу первые симптомы.

– Я не планирую бежать в леса и жить с белками, если ты об этом.

– Я не только об этом. Я просто вижу: ты не наслаждаешься жизнью, брат! Она у тебя классная, а ты такой – фе, уберите эту, дайте другую! Зачем? Все ж хорошо! Что тебе еще нужно?

Леон не мог ему объяснить. Он не нашел бы нужных слов, а Ярик все равно не понял бы. Да, наблюдая со стороны, очень легко разглядеть радужную сторону чужой жизни. Это ведет к бессмертной классике упреков вроде «С жиру бесишься» и «Мне бы твои проблемы».

Не все можно понять. Не все беды на виду. Леон и правда не мог наслаждаться жизнью – такой, какой она была сейчас. Ему нужно было что-то вернуть... или кого-то вернуть. Если бы это было возможно...

Но пока – нет, невозможно, и он просто жил под мерное тиканье часов.

* * *

Дом полыхал так ярко, так сильно, что жар разлетался на многие метры вокруг. Пожарные могли приблизиться к нему лишь в специальных костюмах, а простым наблюдателям приходилось выдерживать безопасное расстояние, иначе из наблюдателей они очень скоро превратились бы в жертв. На пламя обрушивались потоки воды, которые в ярком свете казались черными линиями. Пока это ни к чему не приводило, огонь был слишком силен. Он испарял воду, продолжая превращать особняк в бесформенные угли.

Анна не рвалась в первые ряды наблюдателей – там было слишком шумно, душно, жарко. Ее вполне устраивало ее место в открытом салоне машины скорой помощи. Она не пострадала, отделалась парой пятен сажи на одежде и пеплом в волосах. Пока ее главной заботой было то, что она никак не могла открыть банку газировки, которую прихватила, выходя из дома.

Перчатка на правой руке мешала поддеть металлическое кольцо, а на левой она порезала указательный палец, и проще от этого не становилось.

Наконец она сдалась и попросила сидящего рядом медика:

– Откройте, а?

– Вы что, совсем не волнуетесь? – поразился он.

– Очень, – равнодушно отозвалась Анна. – Просто жуть как волнуюсь. Но пить все равно хочу.

Чувствовалось, что он не понял ее реакцию, но отказывать не стал. Газировка в банке прогрелась, но все было лучше, чем скрип пепла на зубах! Анна знала, что ей здесь еще несколько часов сидеть – до тех пор, пока дом не догорит.

Ее расчет оправдался, пожар потушили только к утру. Упрекнуть пожарных было не в чем, они старались, рисковали даже. Но иногда этого недостаточно, если стихия берет свое. Им удалось защитить лишь соседние здания, в элитном поселке это было очень важно... как и в любом другом.

Но от дома, с которого все началось, почти ничего не осталось. Пламя было настолько сильным, что превращало массивные деревянные балки в пепел и раскалывало кирпичи. Когда пожарные наконец закончили работу, на месте аккуратного особняка осталось лишь черное пятно чуть дымящихся, несмотря на всю вылитую на них воду, углей.

Посторонних туда не пускали, но для Анны сделали исключение. Им казалось неправильным задерживать ее, хотя она никого ни о чем не просила. Она прошла мимо обожженного сада, мимо декоративного пруда, в котором огонь выпарил всю воду, мимо обрушившихся кирпичей. Она не плакала, не кричала и не умоляла спасателей помочь. Она лишь задумчиво сравнивала то, что видела, с идеальным мирком, которым этот участок был еще прошлым утром.

Строилось так долго, так усердно, а разрушено хаосом за час. Ирония? Да, наверно. Пожар – страшная сила, он отнимает все, что так тщательно копится... и не только.

– Тут труп! – крикнул один из спасателей, осматривавших пожарище.

Она пошла на голос. Ее пытались не пустить, но Анна Солари умела быть настойчивой, когда хотела. Ей нужно было все увидеть своими глазами.

Огонь, поваливший целый дом, и к телу был безжалостен. Оно сгорело до костей, и даже эти кости стали хрупкими и могли рассыпаться на части при первом же прикосновении. Теперь разве что опытный антрополог смог бы определить, что это был молодой мужчина. Для всех остальных скелет стал печальной частью черного пейзажа.

На Анну смотрели с сочувствием и удивлением – из-за ее спокойствия. Но никто не подходил к ней и ни о чем не говорил. Им казалось, что любое слово спровоцирует истерику... Разве нет? Разве не так показывают в кино? Они дождались, когда прибыл психолог, и позволили ему обратиться к ней:

– Вам нужно уехать, Анна. Пожалуйста, не переживайте раньше времени! Возможно, это не он...

Анна перевела на него невозмутимый взгляд; она и не думала срываться на крик. Ее голос звучал так же ровно, как во время деловых переговоров.

– Да нет, он. Похоже, я только что стала вдовой.

Глава 2. Китти Дженовезе

Дмитрий до сих пор не был уверен, что поступает правильно, но сдаваться не собирался. Он потерял все, что было важно в его прошлой жизни, все ориентиры – кроме стремления останавливать преступников. Для него это было вроде как компенсацией за то, что сделал отец, а теперь позволяло найти себя, когда ему казалось, что все потеряно.

Он не сомневался, что обнаружил нечто важное. Проблема заключалась в том, что верил в это он один. Все остальные упорно не видели связь, на которую он указывал. Дмитрия не покидало чувство, что он стоит перед глухой бетонной стеной, через которую не пробиться. Ему нужен был человек, который не стал бы подозревать его в навязчивых идеях и воспринял его предупреждение всерьез.

Такой человек был только один, и Дмитрий, переборов гордость, позвонил ему – спустя много месяцев, через обиду, которая когда-то казалась ему непреодолимой. Да, это было тяжело, и все же в глубине души он был рад, что решился. Он устал от одиночества и хотел вернуть в свой мир хоть кого-то из дорогих людей.

Леон ответил ему быстро, и их первый с прошлой осени разговор прошел лучше, чем ожидал Дмитрий. Он опасался, что младший брат уже сорвался, опустил, теперь его нельзя привлекать к расследованиям, нужно срочно искать хорошего нарколога, психотерапевта, да хоть шамана, лишь бы его спасти!

Но спасти Леона было не нужно. Он пригласил старшего брата к себе – в квартиру, расположенную в дорогой новостройке. Похоже, дела у него шли неплохо! Дмитрий не смог бы позволить себе такое жилье, даже если бы очень захотел.

В обед он приехал по указанному адресу, вошел в подъезд, еще наполненный запахом новизны – такое бывает, когда дом только-только сдан, везде идет ремонт, и побелка легкой дымкой висит в воздухе. На светлом бесшумном лифте Дмитрий поднялся на последний этаж и прошел в просторную квартиру.

Она чем-то напоминала ему картинки из каталогов, которые любила смотреть Мила. Идеальный дизайн, стильный, строгий и продуманный – но совершенно нежилой. Семья с детьми смотрелась бы странно среди всех этих кожаных диванов, металлических ламп и глянцевых черных поверхностей. Нет, это была квартира для мужчины, для того, у кого на семью нет времени.

То есть, для человека, которым стал Леон.

– Я ведь даже не знаю, чем ты теперь занимаешься, – задумчиво произнес Дмитрий, оглядываясь по сторонам. – Надеюсь, это законно?

Элитная студия была мало похожа на ту тесную, пропитанную духом нескольких поколений квартиру, которую снимал он сам.

– Более чем, – усмехнулся Леон. – Я знаю, какого ты обо мне мнения, но рассказывать что-то мне лень, поэтому поверь мне на слово: я никого не убил, не похитил и не изнасиловал, чтобы жить здесь. По крайней мере, не по-настоящему.

– Уже интересно...

– Весьма. Но ты не ради этого пришел.

Да, у него была четкая задача. Но Дмитрию казалось странным переходить сразу к делу, когда он впервые встретился с братом после нескольких месяцев молчания.

– Я... Да... А как там Лида?

Он и сам не знал, зачем спросил. По пути сюда Дмитрий пообещал себе, что не будет говорить о ней, и вот же – сорвалось!

– Нормально, – пожал плечами Леон. – Рожать готовится. Вроде бы, мальчик будет.

– Слушай, ты что, вообще ничего не чувствуешь? – возмутился Дмитрий. – Это же твой племянник!

– Да, но я слишком долго верил, что это мой сын. Не в твоих интересах напоминать мне об этом.

Это точно. Раньше Дмитрий нередко упрекал младшего брата за черствость, грозящую превратиться в жестокость. Но теперь, когда он сам, по сути, предал Леона, какие могут быть нравоучения?

– Ты прав, – вздохнул Дмитрий. – Давай не будем об этом... Ни о Лиде, ни о Миле.

– Согласен. Все решится само собой, и опять же, ты не для того позвонил мне. Что-то мне подсказывает, что это связано с папкой, которую ты вертишь в руках.

Да уж, заявлять, что он совершенно случайно взял с собой стопку документов, было бы нелепо. Поэтому Дмитрий кивнул:

– Есть дело, важное... Кажется, я наткнулся на серийного убийцу. Но вижу его только я!

– Воображаемый друг?

– Очень смешно! Леон, это серьезно! Я и сам ни в чем не уверен, следователи считают меня навязчивым идиотом. А что если я прав? Если действительно объявился маньяк? Тогда каждая его новая жертва будет и на моей совести!

– Ты утрируешь, – указал Леон. – Но ты всегда был к этому склонен. Ладно, пошли на кухню, покажешь, что там у тебя.

В квартире царил идеальный порядок – ни пылинки, ни пятнышка. Вряд ли Леон лично за этим следил, похоже, сюда приходила домработница. Еще один пункт к его расходам... Как странно: раньше именно Лидия требовала, чтобы он зарабатывал больше, но только после развода с ней у него все наладилось.

Они сели за стол, заработала кофеварка, Леон кивнул на бар, но Дмитрий покачал головой:

– Я же за рулем, помнишь? И мне еще возвращаться на работу. А тебе разве нет?

– Нет, сегодня нет необходимости. Я тебе как-нибудь потом расскажу, сейчас не до этого, перерыв-то у тебя короткий.

– Я ведь вроде как начальник, могу и задержаться, – усмехнулся Дмитрий. – Но в чем-то ты прав. Я к тебе приехал из-за одного открытия.

Он достал из папки с документами фотографию – еще живой девушки, хотя у него были с собой и другие снимки. Дмитрий всегда уважал право смерти на определенную интимность, он собирался показать брату ровно столько, сколько необходимо.

Теперь Леон рассматривал изображение молодой девушки, ухоженной – пожалуй, даже слишком, из тех, кто прорисовывает брови и наращивает ресницы. В ее красоте осталось мало естественности, однако такие барышни сейчас и мелькали на обложках журналов.

– Кто? – коротко спросил Леон.

– Ева Майкова, двадцать восемь лет. Найдена задушенной в своей квартире примерно в середине марта. Перед смертью была изнасилована, это и считается мотивом убийства. Дело пока зависло, толковых подозреваемых нет и не было. У бывшего мужа алиби, а больше ее смерть никому не была выгодна. Она еще и работала дома, это усложняет дело: она могла пустить кого угодно.

– Кем работала?

– Мастер по наращиванию волос.

Для Дмитрия стало открытием, что это вообще профессия. Он был далек от индустрии красоты, да и Мила таким мало интересовалась. Лидия наверняка знала больше – но она об этом не говорила, ее привлекательность оставалась тайной, которой он просто наслаждался.

Так что ему и в голову не могло прийти, что можно заработать, приматывая кому-то к волосам чужие пряди. Но оказалось, что это не только востребовано, это еще и неплохо оплачивается, судя по квартире и банковским счетам покойной.

Впрочем, теперь все это должно было достаться родственникам: детей у нее не было, повторно она замуж не вышла, да и бывший муж ни на что не претендовал. Зачем ему? Он сам был обеспечен.

– Дело там было странное, со своими нюансами, но тогда я не придал ему особого значения, – признал Дмитрий. – Про жизнь Майковой мало кто знал, даже ее подруги не представляли, встречалась она с кем-то или нет. Дело сложное, и лезть в него я не собирался.

– А почему все-таки полез?

– Потому что появилось вот это.

Он достал вторую фотографию – еще один снимок молодой женщины. Эта тоже была красива, но уже другой красотой, природной, которой просто позволили расцвести. Фарфоровая кожа, огромные голубые глаза, робкая улыбка – фея, а не человек!

Правда, Дмитрий увидел ее уже совсем другой, и тем тяжелее было сейчас смотреть на фотографию.

– Мария Гордейчик, двадцать один год. По версии следствия, изнасилована, избита и задушена собственным мужем из-за ревности.

– По версии следствия, – повторил Леон. – Но не по твоей?

– Не по моей. Потому что я вижу: она была задушена тем же человеком, который убил Еву Майкову.

Дмитрий достал еще два снимка – крупный план шеи обеих жертв. То, что укрылось от следователей, Леон заметил мгновенно:

– Странная петля!

– Да, очень характерная и явно указывающая на старую травму руки душившего.

– Дай догадаюсь: у мужа-убийцы никакой травмы нет?

– Правильно догадался, молодец, – усмехнулся Дмитрий. – Я тебе больше скажу, дело Гордейчиков простое и гладкое, только если хочется видеть его простым и гладким. Если приглядываться, тут же натыкаешься то на одну шероховатость, то на другую.

– Например?

– Соседи единодушно заявляют, что он был ревнивцем – за это следователи и ухватились.

– Это распространенный мотив.

– И страшная проблема – особенно на пустом месте.

– Иногда недостаток ревности – не меньшая беда, – рассудил Леон. – Я вот последним узнал, что мне жена с родным братом изменяет, представляешь?

– Мы ведь договорились не обсуждать это сейчас!

– Ладно, проехали. Так ты не веришь, что это убийство из ревности?

– Не похоже. Те же соседи утверждают, что он никогда ее не бил – и я это подтверждаю, эту женщину минимум несколько месяцев до смерти никто пальцем не тронул. А еще она была изнасилована перед убийством. Станет ли муж насиловать жену?

– Иногда. Следователь, небось, считает, что Гордейчик узнал об измене, изнасиловал, просто чтобы продемонстрировать свою точку зрения насчет того, кому принадлежит его жена, и убил ее?

– Почти. Он считает, что Мария могла попросить развод – и Гордейчик не сдержался. Этим же парируют и мое указание на то, что раньше он ее не бил. Мол, раньше не бил, а потом она сделала нечто такое, что избил.

– А сам он что говорит? – поинтересовался Леон.

– Сам он, вроде, признался еще там, в квартире – ходил и мямлил, что это он ее убил. Но тут все условно. Опера, которые его брали, говорят, что мужик был раздавлен, в шоке и не такое можно сказать. Может, для него «я убил» равносильно «я не смог спасти»?

– Ты додумываешь, следовательно это всерьез не воспримет.

– Да он уже ничего всерьез не воспринимает! – отмахнулся Дмитрий. – В этой истории есть еще одно обстоятельство, самое главное: пропал трехлетний сын Гордейчиков. Муж этот настаивает, что не знает, где ребенок, свидетелей нет, у знакомых его тоже нет.

– Вот это уже серьезно, – нахмурился Леон. – Что говорит следователь?

– У него две основные версии. Первая – мальчик сам убежал в панике и потерялся. Вторая – Мария, собираясь обсудить развод, отвела куда-то сына. Она рассчитывала на сложный разговор, а не на свою смерть, поэтому никого не предупредила, где ребенок. А мальчик слепой, Леон, один он не выживет.

Леон понял его – как и ожидал Дмитрий. Они могли ссориться, злиться друг на друга и не все прощать. Но в главном они по-прежнему были едины во мнении, и это радовало.

– Так чего ты хочешь от меня? – спросил Леон.

– Нужно точно определить, может это быть серийный убийца или нет, понять, зачем он похитил мальчика...

– Я, вообще-то, не эксперт по серийным убийцам!

– Но ты знаешь эксперта.

Леон заметно помрачнел, но иного Дмитрий и не ожидал. Это раньше он еще надеялся, что связь между его братом и Анной Солари исчезнет после окончания расследования. Теперь он не знал, что между ними происходит, да и не пытался понять.

Брат ответил ему ровно – но после паузы, и это уже говорило о многом.

– Мы с ней не общаемся.

– Так пообщайтесь! Думаешь, мне было прям так весело тебе звонить? Но есть вещи, которые важнее наших личных обид! Пропал маленький ребенок, и если эта безумная шляпница поможет его найти, я сам ее умолять готов!

– Прибереги мольбы, Анны все равно нет в стране.

– Как это – нет? – поразился Дмитрий. – Ты что, ничего не знаешь?

– А должен?

Он, похоже, не притворялся, он действительно не знал. Что ж, это было бы вполне в стиле Леона – сосредоточиться на работе или даже собственной депрессии и пропустить все новости в мире.

Это было плохо. Дмитрий надеялся, что самое неприятное его брату уже известно – а теперь, получается, ему предстояло стать гонимым, приносящим дурные вести! Не слишком престижная роль, особенно для того, чье положение и так нестабильно.

– Ты новости не смотришь? – на всякий случай уточнил Дмитрий. – Даже криминальные?

– А что, Анна в криминальных новостях?

– Давно уже, это же громкое дело! Набери в поисковике «Смерть Яна Мещерского» – и все поймешь.

– Что?!

Вот теперь Леон прекратил обращать на него внимание, словно позабыв, что брат еще здесь. Он бросился к ноутбуку, быстро набрал что-то на клавиатуре. Дмитрий не стал заглядывать через его плечо, он и так знал, какие ответы даст ему интернет. Вместо этого он предпочел налить им обоим кофе, давая Леону время прийти в себя.

Ему предстояло узнать, что Ян Мещерский вернулся в Россию примерно неделю назад – и той же ночью умер. В его загородном доме случился жуткий пожар, пламя сожгло здание за считанные часы. Молодая жена Яна успела выбраться, а он – нет. Его тело удалось найти лишь после того, как пламя потушили.

Эта история была бы трагичной сама по себе, но скоро она получила неожиданное продолжение. Родственники Яна, сводные брат и сестра, обвинили в его смерти вдову. Оказалось, что она стала единственной наследницей, а несчастный супруг прожил всего несколько месяцев после свадьбы. Не слишком ли это подозрительно?

Негодующих родственников поддержали поклонники Яна, началось официальное расследование, от очевидцев пожара стало известно, что в ту ночь Анна Мещерская вела себя подозрительно спокойно, словно судьба мужа ее не то что не волновала – не удивляла даже.

Пока оснований для заключения под стражу не было, однако подозреваемую посадили под домашний арест. Полиция утверждала, что это для ее собственной безопасности, и не зря: у дверей подъезда днем и ночью дежурили разгневанные фанаты, готовые устроить свой собственный суд.

Леон бы узнал об этом, если бы хоть раз включил телевизор – история получилась громкой, ее сейчас мусолили и в криминальных новостях, и на ток-шоу. Но он телевизор не включал.

– Я действительно не знал, – тихо сказал он. – Она там все это время была совсем одна, ее обвиняют в преступлении, которого она не совершала... А я не знал!

Дмитрий не был так уверен, что она невиновна. Да и в том, что она сломается под давлением общественного мнения, сильно сомневался. Однако говорить об этом Леону было опасно.

Он решил использовать состояние брата:

– Видишь, еще одна причина зайти к ней!

– В смысле?

– Она под домашним арестом, но не в изоляции же! Думаю, я сумею обо всем договориться, нас пропустят. Нужно только, чтобы она хотела говорить. Со мной она общаться не будет, а с тобой – еще как!

– Я бы не был так в этом уверен...

– А ты попробуй, – настаивал Дмитрий. – Хуже не будет!

– Попробую...

Уже было ясно, что расследование станет всего лишь предлогом, Леон на самом деле будет рваться туда не из-за этого. Но какая разница, если у них все-таки получится помочь людям?

* * *

Нельзя ни к кому привязываться. Это слишком дорогое удовольствие для таких, как она, потому что плата за него очевидна. Привязанность – это уязвимость, это нож, однажды прилепивший в спину, это неспособность мыслить здраво. Поэтому раньше Анна была уверена, что забава получается слишком дорогая, а пользы от нее – ноль. Но все оказалось не так просто, и бывали ситуации, когда не чувствовать уже не получалось. Оставалось утешать себя тем, что эти чувства никогда не выходили из-под контроля.

Вот и сейчас, когда Леон позвонил, она согласилась на встречу с ним не только из-за их общего прошлого. Он сказал, что нужна ее помощь по важному делу, а на такие вещи у него чутье. Да и потом, ей все равно было нечего делать, а это расследование вполне могло развеять ее скуку.

Ее временная темница была во всех отношениях роскошной. В распоряжении Анны оказались пять комнат, наполненных дорогой, часто – антикварной мебелью. Классический стиль здесь был выдержан великолепно, без единого намека на безвкусицу. Правда, обилие золота и мрамора все равно раздражало ее, внушая впечатление, что она ночует в музее – но это уже вопрос личных предпочтений.

Она исходила эту квартиру вдоль и поперек, изучила каждую картину, сувенир, каждую книгу. Анна много лет тренировалась быстро замечать и запоминать детали, так было нужно для расследований. Теперь эта способность работала против нее: после пары часов здесь она могла составить полный каталог всего, что наполняло квартиру. Ей только и оставалось, что работать над новой книгой, иначе стало бы совсем тоскливо.

Поэтому она с готовностью согласилась на предложение Леона. Ей было даже любопытно, как он на все это отреагирует... Конечно же, он уже знает о смерти Яна, теперь об этом разве что в мультфильмах не рассказывают. Будет ли он злиться? Или это удивит его? Или он даже порадуется? Все возможно – Анна помнила, как его огорчила новость об этом браке.

В любом случае, угрызений совести она не чувствовала. Она-то знала, что правда на ее стороне.

Она подошла к окну, выходящему во двор дома, и посмотрела вниз. Да, у подъезда все еще сустились люди... Это раздражало соседей, которые в этом доме тоже были не последними людьми, и они не раз вызывали полицию. Но пока дошло только до того, что у дверей поставили дежурных, а журналисты и особо преданные любители музыки во главе с родней Яна не расходились. И Леон это увидит... Пусть так. Это как с погружением в холодную воду: лучше сразу нырнуть с головой, чем мучать себя, входя маленькими шажочками.

Братья Аграновские явились строго в назначенный час. Они с легкостью пробились через толпу у подъезда: этих двоих здесь не знали, не подозревали, к кому именно они идут. Да и дежурные, охранявшие ее квартиру, пропустили их, была договоренность. Анна встречала их в прихожей, как и полагалось хозяйке. Она всем своим видом показывала, что это простая вежливость, соблюдение традиций, а вовсе не желание увидеть их как можно скорее.

Они оба изменились, сильно, но по-разному. Дмитрий, похоже, все-таки развелся или оказался на грани развода. Он чуть пополнел, появилась одутловатость и легкие проблемы с кожей – верный знак плохого питания. Одежда на нем была чистой, но неумело выглаженной, взгляд стал воспаленным, это, возможно, от долгих ночей на работе. Хотя и долгие ночи на работе намекали, что ему не к кому теперь возвращаться. Значит, Лидочка не приняла отца своего ребенка с распростертыми объятиями. Ей нужно было уничтожить чужую семью, а не создать свою, но Анна знала, что так будет; она редко ошибалась в людях.

Леон, напротив, выглядел куда лучше, чем при их прошлой встрече. Но тогда был ноябрь – а ноябрь никого не красит. К тому же, осенью он еще не полностью восстановился после травмы легкого. Но теперь молодость и великолепное здоровье взяли свое, и, глядя на него, невозможно было поверить, что он пережил. Он легко привлекал внимание в толпе: высокий, широкоплечий, с безупречной фарфорово-бледной кожей и вороньими волосами, с пронзительными голубыми глазами, взгляд которых не каждый выдержал бы. Из двух братьев, старший определенно пошел мастью в мать, младший – в отца, и Дмитрия это всегда пугало. А зря: внешнее сходство ничего не значит.

Дмитрий смотрел на нее с легким волнением и удивлением, но без враждебности – уже хорошо. Леон сохранял спокойствие, будто в этой встрече не было ничего важного для них обоих. Кто-то другой на ее месте обиделся бы, Анна – нет. Она слишком хорошо знала его. То, что он держит себя в руках, лишь означает, что он полностью восстановился, стал таким, как раньше.

Есть особая порода людей, которые, даже умирая внутри, не позволят никому узнать об этом. А Леонид Аграновский был далек от умирания.

Она проводила их в столовую, где уже был накрыт стол – разумеется, не ею. Унаследовав состояние Яна, она с готовностью прибегала к услугам его ассистентов. Но теперь в квартире никого не было: она не хотела, чтобы этот разговор подслушивали.

Говорил в основном Дмитрий, Леон молчал, делая вид, что его интересует только интерьер квартиры. Но он наблюдал за ней украдкой, а она наблюдала за ним. Анна не хотела эмо-

циональных привязанностей, не рвалась к ним, однако, когда они возникали, признавала их, как и любую уязвимость. Эти месяцы ничего не изменили... По крайней мере, для нее. Для него-то она теперь другой человек: вдова, наследница, убийца своего мужа.

Знание правды меняет мир, и они, получается, теперь жили в разных мирах. Анна и рада была бы ему все рассказать, но она не могла – не имела права. С некоторыми бедами нужно справляться или одной, или никак. Поэтому она предпочла сосредоточиться на том, ради чего они пришли, – на расследовании.

– Значит, вы хотите, чтобы я определила, может ли в это быть втянут серийный убийца? – поинтересовалась она, когда Дмитрий закончил.

– Да... Тут ничего не понятно! Их обеих изнасиловали и задушили. Но другие обстоятельства смерти отличаются! Майкову не избивали, ее отравили перед смертью, однако это ее не убило. У нее не было детей... И Гордейчик, подозреваемый этот, на момент смерти Майковой был в другом городе. Короче, есть аргументы «за» и «против», нужно твое мнение.

– Думаю, вам скорее нужен однозначный ответ, – усмехнулась Анна, помешивая кофе в изящной фарфоровой чашке. Ян всегда любил красивую посуду, и здесь хватало оригинальных вещей, служивших лучшим напоминанием о нем. – Мог ли это сделать серийный убийца – вот что вы хотите знать. А кто такой серийный убийца?

– Если бы я знал, я бы не пришел к тебе, – указал Дмитрий.

– Псих, который убивает ради удовольствия, – пожал плечами Леон.

Но оба они не были ни в чем уверены. И не зря – понимание того, кто такой серийный убийца, чаще всего было интуитивным. Это то знание, которое у всех есть, но которое словами не выразишь. Анна и сама искала ответ не один год, но она работала с такими людьми, поэтому ей сейчас было проще, чем ее гостям.

– Есть разные подходы к этому, и у каждого свои преимущества и недостатки, – отметила она. – Давай сюда отчеты по вскрытиям и все, что ты там притащил. Так вот, касательно серийных убийц... ФБР, например, считает, что серийный убийца – это человек, совершивший три и более убийств на протяжении как минимум месяца. Видишь? Два критерия – время и количество. Но они сомнительные, потому что если человек, настроенный убивать, совершил два убийства, он на них не остановится, и глупо ждать третьей жертвы, чтобы объявить его серийным убийцей. Национальный институт правосудия США пошел другим путем. С их точки зрения, серийным считается убийца, у которого больше двух жертв и которым движут психологические мотивы, чаще всего – садистские сексуальные отклонения. Но, как видите, и тут не все однозначно. Большинство маньяков действовали во власти сексуальных желаний – поэтому тут и позволительно слово «маньяки». Но не все. К серийным убийцам не раз причислялись те, кто убивал ради собственной выгоды, пусть и не по заказу. Да и среди психологических мотивов не всегда правит бал желание секса – вспомнить хоть того же Зодиака, для него секс никогда не имел значения, его манил страх.

– Зачем нам все это знать? – не выдержал Дмитрий.

– Вы ведь хотите понять, столкнулись ли с серийным убийцей, так? Я вам просто подсказываю, кого нужно искать. Истина, как всегда, скрывается где-то между разными определениями. Если так, то можно уверенно брать следующие критерии: больше двух жертв, убиты не одновременно и не в одни сутки, но одним человеком. Это все. В вашем случае, мотив лучше не трогать, даже если кажется, что он на виду – сексуальное насилие. Метод убийства тоже не так важен, далеко не у всех маньяков есть своя фишка. В случае, который вы мне принесли, вроде как все есть: две жертвы, убиты в разные дни. Осталось только определить, одним ли человеком.

Она была совсем не уверена, что это действительно маньяк. Даже не так – Анна была почти уверена, что это не серийный убийца. Удушение – распространенный вид убийства после изнасилования или даже во время изнасилования. А раз сам Дмитрий Аграновский сомнева-

ется, что это было сделано рукой одного человека, значит, поводов хватает. Это просто две несчастные женщины, которым очень не повезло, и все. То, что они оказались перед одним судмедэкспертом, – всего лишь совпадение.

Так что изначально, забирая у Дмитрия файлы, Анна была настроена скептически. Но чем больше подробностей она видела, тем сильнее становилось чувство настороженности в ее душе. На словах Дмитрий рассказал ей не все! Он-то считал, что упомянул самое главное – изнасилование и удушение. Но важнейшие детали остались здесь, на страницах отчета, на фотографиях.

Отравление бытовым газом. Изнасилование. Удушение. Избиение – первое и единственное. Пропавший ребенок. Обвиненный муж. Для большинства людей, к которым в этом случае относились Дмитрий и Леон, это был просто набор фактов. Но для Анны они сплетались в единую цепочку, в которую невозможно было поверить.

Слишком точно, так не бывает...

Она была так поражена, что не смогла этого скрыть. Обычно она контролировала себя куда лучше, однако Анна просто не ожидала такого. Перед ней словно разворачивалась история, которую она прекрасно знала!

Она не могла похвастаться тем, что помнила истории всех маньяков, когда-либо живших на Земле. Но самые важные она изучила – они помогали ей понять новые проявления безумия. Именно новые, а тут, в этих убийствах...

– Что случилось? – спросил Леон. – С тобой все в порядке?

Он легко заметил перемену ее настроения и все понял правильно. Это Дмитрий мог такое пропустить, потому что не хотел видеть, он – нет. Но, как ни странно, эта его способность не раздражала Анну. Она ведь сама позволила ему узнать достаточно, чтобы понять ее!

– Со мной – да, – задумчиво отозвалась она. – С этими делами – не факт.

– Значит, это все-таки серийный убийца? – уточнил Дмитрий.

– Рано говорить.

– А когда уже не рано? Слушай, я уже и так себя двадцать раз в паранойе обвинил!

Анна оторвалась от отчетов и бросила на него удивленный взгляд.

– Это еще почему?

– Да потому что ищу преступления там, где их нет, – покачал головой Дмитрий. – Это ли не попытка отвлечься от собственной жизни, нормальной жизни, на какой-то бред? Мне нужно искать способ помириться с женой, а не высматривать маньяков в тумане!

– Ну вот, включилась твоя любимая фишка: про норму говорить, – вздохнула Анна. – Неужели ты еще не понял, что нормы нет?

– Она есть, и она у меня была! А теперь что? Ты думаешь, я хочу, чтобы мне всюду маньяки мерещились? Если учитывать историю нашей семьи, до добра это не доведет!

– У нашей семьи не худшая история, не все в ней совершали преступления, – заметил Леон. – А дела, которые ты нашел, действительно странные.

– Да знаю я, но... Это же не моя работа, понимаешь? Мое дело – трупы вскрывать, и это я сделал. Если я нашел что-то подозрительное, мне нужно сообщить следователю. Это я тоже сделал!

– Но следователь тебя проигнорировал.

– Разве это не лучший знак того, что не нужно соваться в такие истории? Все, моя совесть чиста, все выполнено как надо!

Похоже, расставание с женой повлияло на него куда хуже, чем предполагала Анна. Он стал нервным, неуверенным... Раньше у него была своя точка опоры – дом, в который он мог вернуться. Теперь он этого лишился, а новые ценности не нашел. Это плохо. Дмитрий Аграновский был из тех людей, которых она, при всех их недостатках, назвала бы хорошими. Анне было нужно, чтобы он таким и остался.

Она разложила перед собой страницы отчета и фотографии, чтобы получше изучить их, и обратилась к Дмитрию, не глядя на него.

– Знаешь, что такое синдром Дженовезе?

– Да вроде, слышал, но сейчас не вспомню...

– Значит, не знаешь, – рассудила Анна. – Это психологический эффект, назван по имени Китти Дженовезе. Красивая была девушка, надо сказать, если посмотришь фото – сам признаешь. Жила себе тихо, работала, никому ничего плохого не сделала. Вся ее вина заключалась в том, что однажды по пути домой она остановилась на красный сигнал светофора, и в этот момент ее увидел Уинстон Мозли. А этот очаровательный джентльмен, заметь, потом на суде признал: он той ночью вышел из дома только для того, чтобы убить женщину. Захотелось. Одни в два часа ночи просыпаются, потому что им хочется воды попить, а Мозли – чтобы убить.

– И что, она с работы возвращалась в два часа ночи? – удивился Дмитрий.

– Это не так уж странно, если учитывать, что работала она в баре. Так вот, загорелся зеленый свет, Китти поехала дальше – а Уинстон Мозли поехал за ней. Она припарковала машину примерно в тридцати метрах от дома и уже направлялась к двери, когда он напал на нее, набросился, два раза ударил охотничьим ножом. Раны были очень серьезные, но они не убили Китти и не лишили ее сознания. Ее мольбы о помощи разбудили нескольких соседей, но только один из них удосужился выйти и крикнуть, чтобы Мозли оставил женщину в покое. Мозли, как и большинство трусов, сбежал, услышав мужской голос. Китти поднялась, вероятно, в состоянии аффекта, и направилась к двери. Никто не вышел ей на помощь, а при звонке в полицию сообщили, что «На улице мужчина ударил женщину, но она встала и пошла». Понятное дело, в полиции не придали этому вызову приоритетное значение, и медиков туда никто не направил.

Для Анны этот случай был важным, одним из ориентиров, которые вели ее вперед. Сейчас она могла рассказывать об этом спокойно, между делом. А когда она впервые читала материалы по делу Дженовезе, ей сложно было сдерживать злость и бессильную ярость из-за того, что жизнь была потеряна – когда ее так легко было спасти.

Китти добралась до черного хода, но внутрь войти не смогла: дверь была заперта. От потери крови она упала на ступеньки, хотя не лишилась сознания. Она наверняка была в ужасе, но верила, что выживет, раз безумец, напавший на нее, отступил.

Ей не повезло – так сильно не повезло, что это было больше похоже на проклятье. Мозли не отступил, его просто спугнули. Ему настолько хотелось убить, что он вернулся на место преступления. Он обыскал парковку и территорию вокруг дома и, в отличие от свидетелей, нашел еле живую Китти.

Он ударил ее ножом еще много, много раз, а потом изнасиловал. Судя по ранам, оставшимся на руках, она была в сознании и пыталась защищаться, она кричала и звала на помощь. Ее наверняка слышали, люди, пусть и немногочисленные, проходили мимо, но никто не вмешался. Издевательства продолжались полчаса, Мозли развлекся и ушел по своей воле, оставив истерзанную жертву в озере крови. Ее нашли, вызвали «скорую» – но было уже поздно. Китти не доехала до больницы.

– Сначала дело попытались замять, но потом шум поднялся жуткий, – продолжила Анна. – Газеты утрировали, писали, что свидетелями стали чуть ли не сорок человек. Это, конечно, бред. Но с десятков свидетелей там наберется – и никто из них не помог Китти. Хотя многие могли! Учитывая трусость Мозли, самого появления рядом взрослых мужчин хватило бы, чтобы он свалил со скоростью ветра. Но – нет. Они не вышли, не позвонили, промолчали. Случай стал хрестоматийным. Синдром Дженовезе также называют эффектом наблюдателя. Это ситуация, когда свидетели видят перед собой жертв, но не помогают – по разным причинам. Кто-то верит, что ему не обязательно вмешиваться, жертве помогут другие, раз преступление очевидно. Кто-то убеждает себя, что преступление и вовсе не так серьезно, как кажется, раз другие не помогают. Внутренняя мотивация может быть разной, результат один: свиде-

тель смотрит и ничего не делает, мысленно ссылаясь на других свидетелей. Пусть они, а не я! Этот эффект обычно работает в толпе, тогда как единственный свидетель преступления действует куда решительней, зная, что больше не поможет никто. Понимаешь, почему я вспомнила эффект Дженовезе? Потому что именно с ним ты сейчас и столкнулся. Ты видишь преступление – но его не видят другие. Те, кому положено: следователи и другие эксперты. Ты начинаешь сомневаться, искать у себя паранойю, ты готов отказаться от своих слов, лишь бы не высовываться и не выглядеть нервным идиотом. Но что если преступление есть, Дим? И ты проходишь мимо него? Что если это действительно маньяк, а вовсе не бытовое насилие? Тогда на двух женщинах он не остановится.

Дмитрий не ответил ей, но это было и не обязательно. Она видела, что он избавился от сомнений – и это хорошо. Потому что если ее догадки были верны, проблема куда серьезней, чем он предполагал, причем у всех.

– Так а что с убийцей-то? – поинтересовался Леон. – Поймали или нет?

– Поймали, естественно, он был далеко не гений. Таких, как Мозли, называют неорганизованный убийца: они убивают по первому желанию, ни к чему не готовятся и не замечают следы. Но, как показывает случай Китти Дженовезе, им порой везет. Оказалось, что она была не первой, а третьей его жертвой. Мозли, женатый человек и отец трех детей, был некрофилом и продолжил бы убивать, такие не останавливаются. Вот вам типичный серийный убийца, настолько примитивный, что история его даже не запомнила. Хотя кое-чем он все же примечателен... Наглостью. Мозли так активно сотрудничал со следствием, чуть ли не ноги целовал, что смертную казнь ему заменили на пожизненное заключение. Через четыре года он сам себе нанес легкое ранение и по пути в больницу сбежал. На свободе он долго не задержался, но развлекся по полной, изнасиловав еще одну женщину. В восемьдесят четвертом, через двадцать лет после убийства Китти, он подал прошение о помиловании, решив, что уже отсидел достаточно. Ну, убивал, грабил, насиловал – с кем не бывает?

– Ты додумываешь за него, – буркнул Дмитрий.

– О нет, я не додумываю, примерно так он и относился к жизни. В американских тюрьмах прошение о помиловании заключенный обсуждает с комиссией по освобождению. Так вот, Мозли не раскаялся в содеянном. Он просто стал утверждать, что убил Китти в результате ограбления, дипломатично опустил подробности про изнасилование и полчаса пыток. Он так и сказал: «При ограблениях люди иногда умирают, такое случается». Естественно, его отправили обратно за решетку, но жизнь его ничему не научила. Уже при следующем прошении он сделал ставку на то, что жертва – он, а не Китти.

– Это она его изнасиловала и убила? – удивленно спросил Леон.

– Нет, там логика была еще круче: мол, убитой – помучаться часок-другой и свободна, а ему, бедному, страдать всю жизнь. Что любопытно, он не требовал смертной казни, которая завершила бы для него все быстро, он хотел свободы. Он потом не раз просил о помиловании, но так и не раскаялся, он просто придумывал все новые причины, по которым не так уж страшно, что он убил Китти. Мозли не выпустили, он умер в две тысячи шестнадцатом году, прожив долгую и не самую несчастную жизнь – в тюрьме он получил степень бакалавра и весьма гордился собой. Он среди рекорсменов США по времени, проведенному за решеткой. Но его уже нет – а эффект Дженовезе остался. Это не редкость, преступления, при которых свидетели могли спасти жертву, но не вмешались, повторялись и, увы, будут повторяться. «Это не мое дело», «А вдруг все не так и меня сочтут истеричкой», «Не надо мне с этим связываться» – и прочая лирика. Это печальная реальность, но все ведь не обязательно должно быть именно так! А у вас, ребята, даже меньше прав наблюдать и ничего не делать, чем у остальных. Судмедэксперт и следователь, пусть даже бывший, да вы первыми реагировать должны!

Дмитрий был смущен, Леон – нет.

– Именно поэтому мы сейчас у тебя, – заметил он. – Но ты так и не сказала, может это быть серийный убийца или нет.

– Может, – помрачнела Анна. Догадка, появившаяся при просмотре отчетов, теперь давила на нее. – Как минимум, Гордейчик ваш вряд ли виноват. На обеих жертвах не нашли следов спермы насильника, и вот вопрос: если муж в порыве тупой ярости насильничал жене, стал бы он озадачиваться презервативом? Так что да, это повышает шансы, что они были жертвами серийного убийцы. А еще это может быть нечто гораздо худшее, чем просто серийный убийца.

– В смысле?

– Пока рано говорить. Вам партийное задание: проверьте все убийства по Москве за... Ну, допустим, за год. Ищите молодую девушку лет двадцати-двадцати пяти. Она была изнасилована и задушена, но не избита и ничем не отравлена. Проверяйте всех жертв, которые так или иначе подходят под это описание, и смотрите фото – не повторяется ли уже знакомая вам петля.

– Что? – нахмурился Дмитрий. – Что за бред? Как это вообще понимать?

Она могла бы им объяснить – но не хотела. Анна знала, что оставшееся неведение вынудит их работать быстрее. Да и потом, она не хотела, чтобы они начинали самостоятельное расследование в обход нее, слишком уж странным могло оказаться это дело.

– Просто сделай, что я прошу, – сказала она. – То, о чем я думаю, невероятно, и я, скорее всего, ошиблась... Но если вы все же найдете подходящую девушку – бегом ко мне. Потому что такого серийного убийцу даже я еще не встречала.

* * *

Видеть ее было одновременно тяжело и легко. Тяжело – потому что между ними оставались нерешенные споры, недоверие и обиды, которых, по идее, быть не должно, но они, как сорняки, откуда-то появились. Легко – потому что она каждый раз была новой, и так просто было поверить, что после этого обновления она забудет прошлое.

Леон уже привык к тому, что у нее в запасе тысяча образов, для любой ситуации подходящий найдется. Теперь она жила образом вдовы известного музыканта. В этой странной роли она была богемной девой, не красивой хищницей, охотящейся за деньгами, а существом не от мира сего в длинном белом платье, с льняными волосами, закрывающими ее спину и плечи, частично скрывающими лицо. Она не казалась скорбящей, но не потому, что ей было все равно, а потому, что для таких созданий смерть – это просто смена одной фазы существования на другую.

Она что-то затеяла. Леон не просто знал ее, иногда ему казалось, что он ее чувствует, хотя объяснить это было сложно. Если изначально эта афера с мужем просто раздражала его, то теперь появилось ощущение, что он упустил нечто бесконечно важное.

Но если Анна была спокойна, то атмосфера вокруг дома накалялась. Те, кому очень хотелось обвинить ее в смерти Мещерского, устроили настоящий пикет. Они к каждому, кто проходил мимо, присматривались с настороженностью, словно надеялись разглядеть у него на лбу слово «Враг». В действиях толпы чувствовалась странная организованность, которая настораживала его.

Он не собирался ни с кем разговаривать. Дмитрий сейчас думал о расследовании, Леон – об Анне, и они прошли мимо шумной толпы, игнорируя все обращенные к ним вопросы. Казалось, что на этом все и закончится, но – нет. Возле машины их уже ждали.

Их было двое: мужчина и женщина лет тридцати пяти-сорока. Оба были не слишком высокими, крепкими, и женщина казалась даже массивней мужчины. У них хватало и других похожих черт: светлая кожа, ставшая красноватой от первого весеннего загара, грубоватые черты лица. У мужчины волосы были русыми, у женщины – выкрашенными в желтый цвет,

однако это различие все равно не мешало понять, что они родственники. Возраст позволял предположить, что брат и сестра.

Они даже не пытались сделать вид, что оказались здесь случайно, они преграждали путь к машине. Но агрессивными они не выглядели: мужчина отводил взгляд, а женщина пыталась улыбнуться, но получалось неловко.

Она обратилась к ним первой:

– Здравствуйте! Вы ведь приходили к той женщине, да? К Анне? Вы были у нее долго, значит, вы ее хорошо знаете?

– С чего вы взяли, что мы были именно там? – изумился Дмитрий. – Вы что, следили за нами?

– Нет, что вы! Я, знаете ли, позволила себе войти за вами в подъезд и посмотреть, на какой этаж поднимется лифт. Он был на ее этаже, а там живет только она, соседняя квартира пустует.

– То есть, следили, – заключил Леон. – Вы кто вообще?

– Меня зовут Люба... Любовь Сирягина, я – старшая сестра Яна Мещерского, а это Андрей, его брат.

Когда Леон узнал, что Анну обвиняют в убийстве собственного мужа, он навел справки о Яне Мещерском. Он не верил, что она действительно убила его ради денег. Нет, она что-то затеяла, но спрашивать ее об этом было бесполезно, и он решил все вычислить сам. Пока не получалось, зато он выяснил, что близких родственников у Яна не осталось. А Любовь и Андрей Сирягины – старшие дети его отчима. У них с Яном не было ни единой капли общей крови, но по закону они приходились ему родственниками.

– Допустим, мы у нее были, – кивнул Леон.

– А кто вы ей?

– Вам какое дело?

Он не хотел быть с ними грубым – но иначе не получалось. Они были угрозой для Анны...

Леон понимал, что это не самая правильная реакция с его стороны, однако по-другому он уже не мог. Да и потом, эти двое сами полезли, он их не трогал.

– Мы должны знать! – гордо заявил Андрей. – Нас теперь все касается!

– Спорно.

Любовь бросила на брата предостерегающий взгляд. Похоже, дипломат среди них был только один, а Андрею полагалось молчать с видом невинно обиженного агнца.

– Послушайте, мы не хотим ничего плохого, – Любовь выдала еще одну неубедительную улыбку. – Мы давно уже пытаемся наладить контакт с Анной, но она избегает нас.

– Пытайтесь дальше, мы-то здесь при чем? – поинтересовался Дмитрий.

– Мы бы не отказались от посредников...

– Не заинтересованы.

– Да вы хотя бы выслушайте нас, нашу историю, а потом уже решайте!

Это было любопытно. Леон знал, что вряд ли чего-то добьется от Анны – если она сама не захочет говорить. Поэтому ему хотелось узнать, что скажут эти двое, устроившие ей настоящую травлю.

– Хорошо, давайте поговорим, – кивнул Леон.

– Ты серьезно? – поразился Дмитрий.

– Тебе не обязательно в этом участвовать, подожди в машине.

– Да я уж лучше подожду, не хватало еще на это время тратить! И ты долго не броди.

– Мы вас не задержим, – заверила его Любовь. – Вы, простите, кто?

– Это не важно, мы с ней работаем вместе, и я не прочь узнать, что вы о ней думаете.

Такой подход их вдохновил. Возможно, к другу Анны они отнеслись бы настороженно, но в деловом партнере они видели возможный рычаг давления.

Они отошли в сторону от дома, чтобы не привлекать внимание толпы. Чувствовалось, что Сирягины не отказались бы от присутствия журналистов, но они боялись спугнуть потенциального союзника.

– Рассказывайте, – поторопил их Леон. – Что у вас там за вражда?

– Это не вражда... Мы ее по-настоящему и не знаем, просто неприятно получилось!

По версии Любви, их отец, очень обеспеченный и уважаемый человек, в свое время женился на «бесприданнице» – матери Яна. Она была совсем одна, с маленьким ребенком, понятно, почему она ухватилась за такую возможность! Но Дмитрий Сирягин был великодушен, он полностью ее обеспечил и любил ее сына, как родного.

– Может, даже больше, чем родного, – буркнул Андрей.

Именно благодаря Дмитрию Ян пошел в престижную школу, начал заниматься музыкой. Когда его мать умерла, отчим продолжил заботиться о мальчике, души в нем не чаял. Но позже случилась беда: партнеры по бизнесу решили подставить Дмитрия. Его обвинили в серии грязных преступлений, чтобы испортить ему репутацию. Яна забрали в приют, а Сирягин был вынужден проводить дни в судах. Правосудие оказалось на его стороне, он остался на свободе, но дело было сделано: он потерял деньги, уважение коллег и друзей, а главное, любовь обожаемого младшего сына. Ян так и остался в приюте, а Дмитрий скоро спился и погиб в результате несчастного случая: заснул пьяным прямо на дороге, и его переехала машина.

– Он до последнего очень любил Яна, только о нем и думал, – вздохнула Любовь. – А Ян, увы, поддавался лжи, он послушал людей, которые поливали папу грязью, и не смог его простить. Хотя папина последняя воля доказывала, кто его любимчик: все свое состояние он завещал только Яну, мы ничего не получили. Было ли нам обидно? Да, конечно, не буду скрывать. Но Яна мы в этом не винили, не он ведь писал завещание. Мы сто раз пытались связаться с ним, наладить контакт, а он нас близко не подпускал. Он нас даже не знал! Наверно, наслушался чьих-то сплетен, не знаю... Это было очень тяжело. Когда он женился, мы порадовались за него, решили, что он станет добрее, общительнее... Но нет, его жена тоже не желала говорить с нами! А очень скоро он умер. Понимаете? Сгорел в пожаре, а все его деньги и, соответственно, деньги нашего отца перешли ей.

– Поэтому вы решили, что Анна убила его? – удивился Леон. – Потому что вы остались без денег?

– Нет, конечно! Мы просто хотим справедливости. Да, Ян болел. Но умер-то он не из-за болезни!

Они предусмотрительно умолчали о том, что до появления на горизонте Анны они были единственными наследниками Яна Мещерского. Не важно, какие отношения были между ними, по закону они все равно получили бы его деньги и дома. Все знали, что он серьезно болен, поэтому у Любви и Андрея были основания надеяться, что скоро деньги отца вернутся к ним. Но вот появилась какая-то жена – из ниоткуда!

Теперь у них была всего одна надежда: признать завещание недействительным. А для этого им нужно было доказать, что Анна – мошенница и убийца.

Помогать им Леон, естественно, не собирался. Он не до конца понимал, что происходит, да и признавал, что пожар, в котором погиб Мещерский, был очень странным. Если бы речь шла о ком-то другом, он бы еще допустил определенные подозрения.

Но это же она! Любая попытка обвинить ее в чем-то отзывалась в его душе гневом и презрением. Эти их заискивающие взгляды, угодливые улыбки... Они, изображая бескорыстных брата и сестру, сами что-то скрывали, он чувствовал.

– Спасибо, что рассказали мне, – сказал Леон. – Но мне нужно ехать.

– Вы поможете нам?

– Я поговорю с ней.

Это не было ложью, он действительно собирался поговорить с Анной.

– Пожалуйста, нам очень нужна помощь! – взмолилась Любовь. – У меня двое маленьких детей, у нас почти ничего нет! А она одна... зачем ей одной столько денег?!

– Всего доброго.

– Еще увидимся, – многозначительно произнес Андрей.

Глава 3. Джон Реджинальд Халлидей Кристи

Анна не ошиблась: третья жертва действительно была. И это меняло все.

Точнее, по времени убийства она стала как раз первой жертвой. Алина Кисловская была убита еще в декабре прошлого года – изнасилована и задушена в собственной квартире. Дело зависло, потому что подозреваемых не было, а подробности личной жизни жертвы намекали, что расправиться с ней мог кто угодно.

Алина подрабатывала проституткой. Не работала, а именно подрабатывала – иногда, под настроение. Ей и самой это нравилось, потому что в сексе у нее были специфические предпочтения. Но когда ей хотелось развлечься, да еще и получить за это неплохие деньги, она приводила домой очередного мужчину – и однажды привела убийцу.

– Вот и сложилась картинка, – вздохнула Анна. – В декабре, надо же... а следующая – в марте?

– Да, – подтвердил Дмитрий.

На этот раз они не поехали к ней, это было слишком неудобно из-за вечного внимания толпы. Поэтому братья Аграновские теперь были в квартире Леона, Анна – у себя, а связывал их видеочат. Так было проще, Леон чувствовал, что не готов лично встретиться с ней так скоро, да еще и после разговора с Сирыгиными. Ему нужно было самому понять, что он чувствует и как должен относиться к ней, а потом уже заводить беседу о Яне.

Но пока видеочат и присутствие Дмитрия не позволяли им отвлекаться, можно было говорить только по делу.

– Несколько месяцев – это очень маленький срок, – отметила она.

– Между следующими убийствами вообще перерыв меньше месяца.

– Да, и это плохо, если учитывать, что он делает.

– Так что он делает? Ты скажешь или нет?

У Анны всегда была эта привычка – говорить что-то, только когда она абсолютно уверена в своих словах. Ее молчание порой выводило из себя, но Леон научился с ним мириться, а Дмитрий – нет.

На этот раз Анна не стала испытывать его терпение:

– Я готова поверить в одно совпадение, но здесь у вас не одно и даже не два. Значит, это уже и не совпадения.

– Это серийный убийца?

– Да. И он копирует преступления другого серийного убийцы.

– Что? – нахмурился Леон. – Это еще как понимать? Подражатель?

– В том-то и дело, что он не подражает. Он делает именно то, что я сказала: *копирует*. Помнишь, я еще при первом обсуждении сказала, что я с таким не сталкивалась? Я изучала дела подражателей, знаю, как они работают. Но такое... Не припомню ничего подобного.

Кто-то повторяет историю серийного убийцы? Леон бы сказал, что это шутка или даже игра, но у них тут было три трупа – и похищенный ребенок, которого так и не нашли! Какие могут быть игры?

– Давай по порядку, – предложил он. – О каком серийном убийце идет речь? Я имею в виду того, которому подражают.

Анна ответила не сразу. Она перевела взгляд на компьютерный монитор, набрала что-то, пару раз щелкнула мышкой. Ее изображение неожиданно исчезло, но чат не прервался. Просто она переслала им фотографию.

С черно-белого снимка, настолько старого, что он стал нечетким, на них смотрела семейная пара. Мужчина с высоким лбом, который казался неестественно большим из-за лысины, тянувшейся почти до затылка, черты лица – самые обычные, но и они кажутся зловещими из-

за странного, словно возбужденного взгляда близко посаженных глаз, скрытых за крупными очками. Рядом с мужчиной – женщина, полная, некрасивая, но обаятельная, с очень приятной улыбкой. Оба одеты чисто, опрятно, по моде того времени. Типичная семья образца середины прошлого века, вроде как ничего подозрительного, и все же выражение лица мужчины мгновенно насторожило Леона. Он не мог объяснить причину этой настороженности, но... нечто подобное он почувствовал прошлой осенью, когда стоял всего в паре шагов от серийного убийцы и смотрел ему в глаза.

Фотография исчезла, вернулось изображение Анны, и от этого стало легче.

– Это Джон и Этель Кристи, – пояснила она. – Супруги, как вы догадались по общей фамилии. Жили в Лондоне в первой половине двадцатого века. Семья не богатая, но и не бедная, я бы сказала – средний класс, но не такой, как сейчас, а разгромленный и побитый Второй мировой. Семья была обычной, подозрений ни у кого не вызывала. Их даже можно было назвать уважаемыми людьми: во время войны Джон Кристи служил в полиции. На службе он отличился, есть документы, подтверждающие, что начальство его не раз хвалило. При этом он не был профессиональным полицейским, он просто вовремя подсуетился: когда многие мужчины ушли на войну, возникла необходимость в добровольцах из числа гражданских, и Кристи был чуть ли не первым в очереди.

– То есть, это нечто вроде дружинника? – уточнил Дмитрий.

– Не совсем так. Во время службы он обладал полномочиями полицейского, а в отставку ушел в звании специального констебля. Это больше, чем народный дружинник, чтобы тебе проще было понять. В дальнейшем это не давало Кристи никаких юридических преимуществ, кроме почета и уважения. Но, как бы призрачны ни были эти привилегии, он воспользовался ими с лихвой. Кристи считался чуть ли не образцовым гражданином, пока не оказалось, что он больше десяти лет насиловал и убивал женщин. Кстати, эти действия он не обязательно совершал в таком порядке.

– Еще один некрофил? – презрительно поморщился Леон.

– Нет, в этом плане, с Кристи все было очень сложно. Но нам сейчас не нужны такие тонкости. Важно другое: тот тип, на которого вы вышли, прекрасно знаком с историей Джона Кристи. Дело Кристи было очень громким по ряду причин, в Британии – легендарным. Его изучили, имена всех жертв известны, как и обстоятельства их убийства. Они совпадают с тем, что вы нашли: порядок, возраст, способ убийства... Все, даже муж, которого подставили!

– Так же не бывает! – воскликнул Дмитрий. Вид у него при этом был такой, будто Анна намеренно пыталась его обмануть, выгораживая убийцу.

– Думаешь, я этого не знаю? Поэтому я и была удивлена, когда заметила сходство. Конечно, совпадает не все – люди ведь другие, эпоха – тоже. Но уже очевидно, что он идет путем Кристи, с погрешностью на личные обстоятельства нашего маньяка.

– Ну и что это может значить?

– Я пока не знаю, – ответила Анна. – Тут думать надо, но надо и действовать. Он, похоже, спешит! Кристи поначалу убивал раз в несколько лет. Это потом уже он сорвался чуть ли не на массовую резню, в первое время он выдерживал не меньше года. А этот, как видите, нет. У Кристи было восемь жертв, у него пока три, и мы не знаем, когда он нападет на четвертую.

Леону всегда казалось, что худшая черта маньяков – это их непредсказуемость, искаженность их логики. Но вот они столкнулись с тем, кто действует по определенному сценарию, а легче от этого не стало! Чего он хочет? Если движущая сила за серийными убийцами – это страсть, не важно, к чему, то как понять того, кто использует шаблон?

Может, Анна ошиблась? Хотя нет, вряд ли. Когда речь заходила об убийцах из прошлого, она была живой энциклопедией. Ее память хранила подробности, которые ставили его в тупик. Леон уже и не пытался понять, как она это делает, он просто принимал такие знания как очередную странность Анны Солари... Или Мещерской? Кто она теперь?

Не важно. Их ссоры и непонимание отошли на второй план, хотя и не потеряли своей значимости. Вернулось то чувство, которое было и во время прошлых расследований: чувство силы, которая была только у него, и понимания, на которое способен только он.

Главное – не сказать об этом Диме. Потому что тогда начнутся старые песни про «опасные гены маньяка».

– Хорошо, так что ты предлагаешь? – спросил Дима. Чувствовалось, что уверенность Анны избавила его от собственных сомнений, он убедился, что нашел что-то очень важное.

– Пока у меня два варианта, причем можно выполнить оба одновременно. Но чтобы все сработало, предлагаю сразу опустить условности вроде «ты не имеешь права». Вы сами меня привлекли к расследованию, сами будете мне помогать.

– Ну а что ты можешь? – смутился Дима. – Ты же взаперти!

Леон удивление брата не разделял, он не сомневался, что Анна вычислила уже не меньше десяти способов удрать из своей роскошной темницы незамеченной.

– Эту досадную мелочь я беру на себя, – усмехнулась Анна. – Теперь по делу. Дима, твоя задача – убедить следователей, что здесь серия убийств. Две одинаковые петли – это еще совпадение. Три – факт, который сложно игнорировать. Из всех полицейских, которые связаны с этими расследованиями, выбери того, что поумнее, и обращайся только к нему. Один человек может больше, чем толпа, об этом я вам уже говорила.

– Хорошо, это первая часть, – кивнул Дима. – А вторая какая?

– Вторая – осмотр квартиры Гордейчиков, это единственное место преступления, которое еще сохранилось в нетронутom виде. Пока между нашим убийцей и Джоном Кристи есть только одно принципиальное отличие. Обычно маньяки не гадают там, где живут. Они или убивают подальше от дома, или заводят себе некую нору, условное убежище, куда приводят своих жертв. Но если у них есть семья, то семейный дом для них священен. Кристи был исключением. Он убивал там, где жил с женой, причем жена ни о чем не знала.

– Разве это так важно?

– Это бесконечно важно. Место убийства – это не просто условие, это символ власти над жизнью жертвы. Нынешний маньяк убивает жертв в их домах. Это тоже дом – но это другое настроение, вот что нужно учесть.

Леон не понимал ее в этом, но он и не пытался. Он просто сказал:

– Я пойду с тобой.

Осмотр квартиры, куда в любой момент мог вернуться настоящий убийца, был опасен, да и в целом, Анна сейчас оказалась в уязвимом положении. Никакие ссоры не заставили бы его подвергнуть ее такому риску.

– Это понятно, – сдержанно улыбнулась она. – Потому я и говорю, что действовать мы сможем одновременно. Дима займется полицией, мы с тобой осмотрим квартиру.

– Но если этот тип подражает Джону Кристи, разве это не позволяет нам предсказать, где произойдет следующее убийство? Разве это нам ничего не дает? – спросил Дима.

– Увы, нет. Кроме, разве что, предупреждения: если мы ничего не изменим, трупов будет еще пять.

* * *

В этом деле она видела вызов, который не могла не принять. История с наследством Яна была важной для Анны, но вся эта суэта начинала утомлять. Журналисты, возмущенные родственники, постоянное внимание... Она, привыкшая оставаться в тени, чувствовала себя загнанной в угол.

Сейчас в ее жизнь вернулся Леон, она снова делала то, в чем была хороша. От этого становилось легче, чем она ожидала.

Они встретились во дворе, неподалеку от дома Гордейчиков.

– Как ты выбралась? – изумился Леон. – Там тебя у входа стоя пирааний ожидала, даже я не прошел бы мимо них, не потеряв пары конечностей! Хочешь сказать, что дело обошлось одним гримом?

Отправляясь сюда, она не без удовольствия сняла белесый парик, собрала собственные волосы в хвост и сменила длинное платье на джинсы и свитер. Леон был одним из немногих, рядом с кем она позволяла себе быть настоящей... С кем ей хотелось быть настоящей.

Иногда появлялось желание доверять ему больше, рассказать ему *всю* правду, но Анна понимала, что это непозволительная слабость. Да и не время сейчас – слишком уж важной была их цель.

– У меня свои методы, – уклончиво ответила она.

– И ты не объяснишь мне, что это за методы?

– Как-нибудь потом.

Они прибыли к дому ранним утром – так было спокойней. На двери все еще стояла печать, но их это не волновало. Объяснения с полицией Анна поручила братьям Аграновским, ей хотелось полностью сосредоточиться на деле.

Она уже расследовала дела маньяков раньше. Она могла не понимать их или понимать не сразу, но она всегда чувствовала свою цель. А теперь – нет... Перед ней было преступление, чудовищное, но очевидное, однако она не могла избавиться от ощущения, что здесь скрыто двойное дно. Это преступление, но то ли, которое они видят?

Они вошли в квартиру и закрыли за собой дверь. Свет включать не стали, чтобы не привлекать внимание соседей, и ограничились фонариками.

Жилище семьи Гордейчиков было самой обычной квартирой, не идеально чистой, но вполне уютной. Пожалуй, слишком дорогой для молодой семьи, где работал только один из супругов, но тут объяснение нашлось быстро: квартира досталась Марии в наследство. В остальном же, Гордейчики жили скромно.

А еще – шумно, но само по себе это ничего не значило. Видимая агрессия порой не так опасна, как тихая. Она вся на виду, от нее можно защититься, в ней нет подвоха. Гораздо страшнее, когда пара кажется вполне счастливой, а избиения и унижения начинаются за закрытыми дверями.

Рассматривая фотографии, сувениры и личные вещи Гордейчиков Анна все больше убеждалась, что в этой семье жила любовь – даже замаскированная бурными ссорами. Не было ни намека на то, что Мария тайно собирала вещи, готовясь бежать от мужа в ночь. Она чувствовала себя свободно, знала, что это ее территория. И здесь же она умерла...

В квартире было две комнаты, одну отвели под детскую, другая служила гостиной, там же на разложенном диване спали супруги. Марию убили после изнасилования, на место смерти указывало багряное пятно на светлых простынях. Даже если невиновность Вячеслава Гордейчика удастся доказать, ему предстоит вернуться в эту квартиру, снова все это увидеть... Справится ли он? Может и не справиться, если действительно любил жену.

Брызги на стенах, вероятнее всего, остались после избиения, убийца жертву не жалел. А вот пятна на полу – это следы мужа. Он пришел, увидел ее тело, попытался привести в себя, но было уже слишком поздно.

– Так этот Кристи... кто он? – спросил Леон. Первое время он, как и Анна, разглядывал квартиру молча, теперь вот напомнил о себе.

– Реджи? Серийный убийца и насильник.

– Почему Реджи? Я думал, он Джон!

– У него, как и у многих англичан, было длинное сложное имя, – отозвалась Анна, продолжая изучать пятна на полу. – Но друзья и знакомые часто звали его Редж – по второму

имени. В историю он вошел как Джон Кристи, потому что история представлена не его друзьями и знакомыми.

– Так почему он вошел в историю? Не хочу показаться циником, но убийц и насильников полно, в истории не хватит места для всей этой шушеры.

– Дело не только в нем. Во время расследования полицией были допущены чудовищные ошибки. Это позволило Кристи подставить невиновного человека, списав на него свои грехи. Причем подставить осознанно: он хотел этого, он добился. В результате невиновного казнили, а Кристи продолжил убивать. Когда дело раскрылось, этот прецедент стал одним из оснований для отмены смертной казни в Великобритании, вот насколько все было серьезно.

– Кого же он подставил?

– Мужа одной из своих жертв.

Она не стала продолжать. Кто-то другой бы не понял, потребовал объяснений, но не Леон, и это единство мышления не раз восхищало Анну.

Подражатель из двадцать первого века шел по стопам Кристи, и он, незамеченный раньше, уже добрался до того этапа, где невиновный должен быть принесен в жертву.

После гостиной они заглянули на кухню. Там следов было совсем мало: скорее всего, после обнаружения трупa жены, Вячеслав зашел туда ненадолго, чтобы проверить, нет ли там его сына. Убедившись, что мальчик не на кухне, он направился дальше.

На кухне не оказалось ничего примечательного – похоже, перед смертью Мария не принимала гостей. Настоящий убийца и хозяйка квартиры сразу оказались в гостиной. Да и не удивительно: судя по отчету Дмитрия, Марию убили ночью, в такое время она бы никого на чашечку кофе не пригласила!

В детской царил беспорядок, мгновенно бросавшийся в глаза после чистоты других комнат. Могло показаться, что это признак борьбы, но Анна не попала в ловушку простейшей из версий. Нет, это не нападение, это поиск: Вячеслав Гордейчик переворачивал мебель и разбрасывал игрушки, пытаясь найти Дениса.

Бесполезно. Мальчик просто исчез.

Анна прошла в центр комнаты и остановилась, оглядываясь по сторонам.

– Кровать заправлена, – указал Леон. – Может, его все-таки не было в квартире?

– С чего бы ему не быть в квартире? Не забывай, что Денис – не совсем обычный ребенок. Его мать не скинула бы его родне только потому, что ей захотелось поспать одной. Выбор игрушек, обустройство комнаты – все это указывает, что Мария была хорошей матерью, ей было важно следить за Денисом самой. Нет, он был здесь в ночь убийства. Он спал – но должен был проснуться, когда на Марию напали.

– Может, она специально не кричала, чтобы уберечь его?

– Выдумываешь лишнее, – укоризненно заметила Анна. – Сантименты не помогут вернуть Дениса, нужно видеть только факты. Когда на Марию напали, она могла и не знать, где ее ребенок, не забрали ли его, какое тут «уберечь»? Ей нужно было спастись самой, чтобы защитить его. Но у нее не получилось, и, когда она умерла, убийца отправился за мальчиком.

Анна верила, что Денис жив – пока жив. Если бы его хотели убить, чтобы подставить Вячеслава, тело осталось бы здесь. Но его забрали, значит, по какой-то причине убийца не смог поднять руку на мальчика. То, что Денис ничего не видит, теперь работало на него, увеличивая его шансы на выживание. Он ведь даже не свидетель!

Если так, зачем его увели?

– Кровать заправил убийца, чтобы усложнить работу полиции, подкинуть им вариант о том, что Мария сама увезла куда-то мальчика, потому что боялась мужа, – отметила Анна. – Теперь смотри, что получается... Убийца приходит сюда после того, что сделал с Марией, иначе – никак. Он делает так, чтобы Денис не шумел и не убегал, допустим, усыпляет его. Но после этого он не спешит уйти, а заправляет кровать! Выводы?

– Он не особенно боялся разоблачения.

– Верно. Он был покрыт кровью, он хотел подставить Вячеслава, следовательно, ему нужно было остаться незамеченным. Но он все равно потратил время, чтобы заправить кровать! Он точно знал, что Вячеслав не придет домой раньше определенного часа.

Леон кивнул и подошел к окну детской, выглядывая наружу.

– А еще он был точно уверен, что его не увидят через окно. Он знал, что эта комната не просматривается из соседних домов, напротив только магазин, но и он открывается в восемь. Он наблюдал за этим местом.

– Или жил поблизости.

Она скучала по таким разговорам – по чувству понимания. Они чем-то напоминали Анне игру в теннис: никаких пауз, никакой затаянности, каждый из игроков должен соответствовать сопернику, иначе все очень быстро закончится.

Только вот они с Леоном не были соперниками, и это ей тоже нравилось.

– Нам больше нечего здесь делать, – признала Анна. – Он достаточно умен, чтобы не оставить следов на месте преступления, к которому так тщательно готовился.

– Но он мог оставить их во время наблюдения.

– Да, или примелькаться в окружении Гордейчиков. В любом случае, к этой семье мы еще вернемся.

В истории Джона Кристи семья, которую он уничтожил, сыграла решающую роль – но не завершила его охоту. Анна надеялась, что век спустя все будет иначе.

Они покинули квартиру и вернулись к машине Леона, однако заводить мотор он не спешил.

Анна чувствовала: ему надоело изображать дружелюбный нейтралитет. Он тоже скучал по их разговорам и их работе, но он, в отличие от Анны, не до конца понимал, что мешало им быть вместе в прошлом, и это не давало ему покоя.

Пока он подыскивал слова, она снова думала о квартире Гордейчиков. Это был не идеальный дом, не самый чистый и не дотягивающий до картинки из журнала интерьеров. Но это был дом, где трое людей были счастливы.

Раньше ей казалось, что для нее недоступна жизнь с кем-то, это одна из жертв, которых требовала ее работа. Но постепенно появлялись и другие мысли: если она найдет человека, который счастлив тем же, чем она, то... почему нет?

Хотя этому все равно придется подождать, пока не завершится история с наследством Яна Мещерского.

– Со мной говорили Сирягины, – наконец сказал он.

Анна не стала спрашивать, кто это, она и так прекрасно знала.

– Давили на жалость? – усмехнулась она.

– Вроде того. Ты можешь рассказать мне, что у тебя с ними происходит?

– Могу. Но не буду.

Леон повернулся к ней, и в его глазах застыло такое удивление, словно он только что обнаружил рядом с собой Джека-Потрошителя, сменившего пол. А ведь он владел собой куда лучше, чем раньше!

– Почему это?!

– Потому что сейчас все вокруг будут говорить, что я – убийца мужа, – пояснила она. – И чем дольше, тем громче. Потом – что я оставила детей без денег, я жестокая, корыстная и далее по списку. Меня будут обвинять во всех смертных грехах не только Любаша и Андрюша Сирягины, у них найдется армия сторонников.

– А они не правы? – тихо спросил Леон, не сводя с нее взгляда. – Ты ни в чем не виновата?

– Вот поэтому я ничего и не скажу тебе: я хочу, чтобы ты сам решил. Ты будешь слышать, что я – убийца. Ты получишь доказательство моей алчности. А я не скажу ни слова, чтобы все это опровергнуть.

– Это у тебя такие развлечения?

– Это вопрос доверия. Либо ты веришь мне во всем, либо – ни в чем.

Возможно, получилось глупо или даже жестоко, но иначе она не могла. Анна большую часть жизни прожила одна, и одиночество служило ей отличной стеной, защищающей ее от многих бед. Отказываясь от этой защиты, она должна была получить что-то взамен – например, доверие, которое не уживается с предательством. А если так не получится, если он на это не способен... лучше убедиться в этом сейчас, пока все не зашло слишком далеко.

* * *

Это была не первая их встреча. Первая долго не продлилась: Егор Валентинович быстро выставил этого нахала за дверь. Додуматься же надо! Чтобы судмедэксперт приходил и учил его, следователя, который полжизни полиции посвятил, работе!

Хотя Аграновский, если объективно на все посмотреть, особо и не учил. Он просто указывал, что дело Гордейчиков может быть связано с другим преступлением. Но тогда даже это показалось Егору Валентиновичу издевательством.

С тех пор кое-что изменилось. Дело было даже не в том, что Аграновский принес ему еще одно похожее дело. Просто Егор Валентинович успел провести несколько допросов, узнать Гордейчика поближе.

Это был не первый случай домашнего насилия в его практике – далеко не первый! Он насмотрелся на всех этих «ни в чем не виноватых» мужей, на заплаканных, опухших от побоев, но отказывающихся писать заявление жен, наслушался всех их жалких объяснений и оправданий.

Вячеслав Гордейчик был не таким. Перед собой Егор Валентинович видел спокойного, разумного парня, почерневшего от горя. Да, он мог накричать на жену – но, судя по показаниям соседей, погибшей это даже нравилось. Игры у них были такие! Сцены ревности заканчивались примирением в постели, и Мария не возражала. С чего вдруг Вячеславу насиловать ее? Да и потом, куда бы он дел ребенка? Он что, Гудини какой-то – заставил слепого малыша бесследно исчезнуть?

– Ты зачем тогда признался в убийстве, раз ты никого не убивал? – спросил Егор Валентинович на одном допросе.

– Так разве ж я не убил? – еле слышно отозвался Вячеслав.

– Ты убивал или не убивал? Не путай меня!

– Я не убивал их своими руками. Я Машу никогда пальцем не трогал... Но я позволил ее убить! Если бы я приехал раньше, хоть на пару часов... Я б смог ее защитить! Она б еще живая была, с мальчиком нашим! Я не помог ей выжить... Разве это не значит, что я ее убил?

Егор Валентинович видел, что он не врет. Вячеслав верил каждому своему слову, и мысль о том, что он мог спасти жену и не спас, не давала ему покоя. Это был не тот человек, который убьет из ревности.

Поэтому теперь следователь слушал Дмитрия Аграновского куда внимательней и признавал, что смысл в его словах есть. Но от этого все равно легче не становилось. Он с таким не сталкивался, да и не хотел столкнуться. А что тогда, закрыть глаза и посадить Гордейчика? Тоже нельзя – не по-людски это!

Он знал следователя, который вел дело Евы Майковой. Этот точно не справится! Так что Егору Валентиновичу нужно было действовать осторожно. Этот тип, Аграновский... он уже был связан с двумя громкими делами, об этом все знали. Что если он снова напал на нужный

след? Егор Валентинович не отказался бы от такого достижения в своем послужном списке – поимка маньяка!

– Что от меня требуется? – поинтересовался он.

– Объединить эти убийства в одно дело, – Аграновский кивнул на папку с документами, лежащую на столе. – Нужно убедить начальство, что так надо, если что, я могу помочь...

– Сам разберусь. Дальше что?

– Дальше – принять от меня помощь. Да и не только от меня, мой брат тоже знает о расследовании. Он сам был следователем и помогал полиции уже после того, как ушел. Но сейчас ни у него, ни у меня нет нужных полномочий.

– Дайте-ка догадаюсь... Я буду делать за вас самую полицейскую работу: организовывать допросы, вызывать свидетелей. Так?

Аграновский и глазом не моргнул.

– Именно. А еще вы произведете арест человека, которого мы найдем, и все будут знать, что вы поймали серийного убийцу.

– Это если он есть. А если вы там ошиблись и его нет?

– Тогда вы ничего не теряете.

Тоже верно. Два из трех дел, о которых говорил Аграновский, уже считались «глухарями». Третье казалось очевидным, но катастрофически не нравилось Егору Валентиновичу. Он сам никогда не считал себя великим детективом, да и не рвался к этому, расследовал себе тихонько бытовые преступления. Он прекрасно знал, что не разберется с этими убийствами, если речь действительно идет о маньяке.

Так пусть Аграновский со своим братом разбираются! Они, в общем-то, доброе дело могут сделать, а если и натворят глупостей, он, Егор Валентинович, всегда может сказать, что ни о чем с ними не договаривался.

– Ладно, – вздохнул он. – Что вам надо-то?

– Пока – доступ ко всем материалам, связанным с этими женщинами, – Аграновский постучал по папке открытой ладонью. – Все, что есть у полиции. В первую очередь – по Алине Кисловской, потому что с нее это и началось.

Глава 4. Рут Фуерст

Анна больше не могла притворяться, что ничего не происходит. Легкое чувство подвоха постепенно превратилось в ощущение незримой грозы у нее над головой. Ей казалось, что она воспринимает эту историю именно так, как хочет убийца, а значит, невольно подыгрывает ему.

Теперь ей нужно было понять, что происходит на самом деле, разобраться и объяснить это Леону. Поэтому по ночам она просматривала все книги и научные работы, что были в ее распоряжении, утром ненадолго мелькала у окон, чтобы пресса и желающие ее убить не сильно нервничали, а потом отправлялась на встречу.

На этот раз они пересеклись в доме Леона. Анне было любопытно увидеть его жилище, пусть и временное. Она видела квартиру, где он жил с Лидией, и была не слишком впечатлена: там чувствовалось убежище женщины, куда мужчина приходил изредка и непонятно зачем.

Эта квартира подходила ему куда больше, в ней была нужная строгость и сдержанность. Правда, тут все равно ощущалась острая непродуманность планов отступления: вот куда он денется, если на него нападут? Хотя, пожалуй, не следовало ожидать, что все без исключения люди будут об этом думать при переезде. «Хм, а на какую сторону выходят окна? Тут вечером солнечно или нет? И как вы решаете проблему побега от террористов?»

Но об этом она думала недолго, очень скоро ее мысли вернулись к расследованию, к тому идеальному сценарию жизни Джона Кристи, которому кто-то теперь следовал. Анна не замечала, как проходит время, с ней всегда так бывало, когда она концентрировалась на важном для нее деле. Лишь когда Леон обратился к ней, до нее дошло, что она уже почти час сидит над недопитой чашкой остывшего кофе.

– С тобой все в порядке? – поинтересовался он. – Ты какая-то тихая сегодня! Не выпалась, что ли?

Высыпаться она и не собиралась, но это ее не беспокоило. Анна знала, что при необходимости она может спать по три часа в сутки – и не терять работоспособность. А иначе нельзя, когда нужно разобраться сразу с двумя преступлениями! Леон знал лишь об одном.

– Ты бы хотел стать импотентом? – задумчиво спросила она.

Он не спешил отвечать. Леон уставился на нее молча, и чувствовалось, что он пытается сообразить, какой еще смысл может быть у этого вопроса. Анна невольно усмехнулась: даже лучшие из мужчин порой были слишком предсказуемы.

Он заметил эту усмешку и, конечно же, истолковал неправильно.

– Нет, представь себе, меня вполне устраивает моя половая жизнь! Что еще тебя интересует? Я не ем младенцев, не насирую школьниц, не стреляю из окна по прохожим. Список продолжать?

– Ты злишься.

– Да, как-то не в восторге и танцевать от радости не тянет!

– Но это как раз нормально, – указала Анна. – Есть темы, которые на подсознательном уровне запретны, а их обсуждение – оскорбительно. Импотенция – это огромная подсознательная проблема, затаенный страх здорового мужчины. Недаром ее на сигареты ставят – в один ряд с онкологией и смертью. Болезненная, унижительная штука!

– Спасибо за краткий экскурс в увлекательный мир мужчин, а то я живу – и не знаю! Аня, к чему это все? Какого лешего тебя в этот лес понесло?

Он был единственным, кому она позволяла вот так обращаться к ней по имени. В этом было что-то удивительно домашнее на фоне ее дикой, похожей на лоскутное одеяло жизни.

– Ты не поверишь, но это все еще связано с нашим расследованием, – пояснила Анна. – Мы решили, что говорим о подражателе, так? Это действительно реальное явление, пусть и не такое частое, как показывают в кино. Подражатели появляются реже, чем маньяки как тако-

вые. Но если уж они решаются идти по чьим-то стопам, должна быть значимая психологическая причина. Например, они восхищаются своим кумиром. Или завидуют ему. Или хотят превзойти. В любом случае, речь идет о некоем пьедестале, на вершине которого сияет довольная рожа очередного чудовища. Но вот мы дошли до Джона Кристи... В его истории нет ничего такого, чему можно было бы подражать.

– Но ты же сказала, что он – легенда, – напомнил Леон.

– Легенда криминалистики – да. Легенда психологии – да. И даже легенда города Лондон. Но он все равно не пример для подражания. В своем желании убивать и насиловать женщин Кристи не был уникален, были и другие маньяки, которые в этом, увы, преуспели куда больше. Чем он интересен подражателю? Тем, что он подставил невиновного? Так ведь сам Кристи тоже в итоге попался, причем глупо! Нет, с точки зрения здорового мужчины, восхищаться им нельзя.

– Если он был импотентом, как он тогда насиловал женщин?

В этот момент Анна невольно подумала о том, что обсуждают другие пары... нет, даже другие люди, сидя за столом. Эта мысль мелькала не первый раз и всегда была непрошенной гостьей.

Не нужно сейчас размышлять о том, насколько они сами безумны. Анна чувствовала, что, рассказывая все ему, она наконец начинает понимать подвох, который заметила в этом деле с самого начала.

– У него, скажем так, были проблемы с потенцией. А еще Кристи был ипохондриком, причем жутким. Некоторые ипохондрики просто волнуются из-за своих болезней чуть больше, чем следовало бы. Но Кристи доводил это до одержимости, он был из тех людей, которые после укуса комара сразу начинают говорить о гангрене. В его случае, это вело к психосоматическим последствиям. Проще говоря, то, что он придумывал, отражалось на его теле. Вымышленное состояние становилось реальным.

– Так, значит, было и с импотенцией?

– Среди прочего. Впервые он решился испытать себя с девицей, причем далеко не скромной, в нежном подростковом возрасте – и у него ничего не получилось. А поскольку девица была не только нескромной, но и не слишком умной, она начала болтать об этом. Позор Кристи стал публичным, он обзавелся такими милыми прозвищами, как Облом Кристи и Кристи-Члена-Нет. Это было бы большим стрессом даже для нормального подростка, а теперь помножим все это на ипохондрию и истеричность, которую приобрел Кристи. И вот результат: после того неудачного первого раза он получил проблемы на всю жизнь. Позже кое-что у него стало получаться, но в основном с проститутками... или с его жертвами. Прежде, чем он начал убивать, было и еще одно важное событие, которое повлияло на эту сторону его жизни.

Анна подозревала, что в ту пору Кристи еще отчаянно хотелось стать нормальным. Ему нужно было нечто такое, что оградило бы его от насмешек сверстников, в один миг вернуло ему репутацию и заставило всех забыть о том, что было раньше. Поэтому в Первую мировую он, тогда еще почти подросток, отправился в армию.

Поначалу у него все шло неплохо, его ценили. Но потом его полк оказался во Франции, и Кристи попал под атаку ипритом. Воздействие газа дорого ему обошлось...

– Позже он утверждал, что после этого он на три с половиной года ослеп и потерял голос, – указала Анна. – Трындел, конечно. Но в этой лжи легко улавливается попытка привлечь к себе внимание, надавить на жалость, таким многие серийные убийцы развлекались. Причем историю со своей страшной слепотой Кристи придумал уже позже. Сразу после атаки он утверждал, что иприт выжег ему голосовые связки, и он навсегда потерял возможность громко говорить. Часть правды в этом была: он действительно до конца дней говорил очень тихо. Но хочу тебе сказать, что иприт тут не при чем. Медики, позже изучавшие его дело, сходились во мнении, что горчичный газ попросту не мог привести к такому долгосрочному эффекту. Винить, ско-

рее, нужно ипохондрию: Кристи убедил себя, что его голосовые связки повреждены, и отказывался говорить громко. С той же газовой атакой он связывал теперь и свою частичную импотенцию.

– Так может, он и правда больной был? – осведомился Леон. – Ну, физически...

– Нет. После смерти Кристи провели вскрытие, врач отметил, что половая система у него была здоровой. Но в вопросах сексуального возбуждения психология часто выходит на первый план. Нормально заниматься сексом с женщинами Кристи не мог. Его привлекали убийства, изнасилования, особенно если жертва неподвижна – потеряла сознание или уже мертва.

– Так он все-таки был некрофилом? Ты же сказала, что там все сложно!

– Это не столько я сказала, сколько психологи, изучавшие дело Кристи, – указала она. – Они считают, что некрофилом он не был, потому что он никогда не занимался сексом только с трупом. Привлекали его именно живые, но сопротивляющиеся или обездвиженные женщины. Я тебе сразу сказала, что это тонкости, которые нас не касаются. Смотри, что получается... Он дефективен, причем на самом примитивном уровне. Он убивает не потому, что он охотник, а потому, что иначе у него ничего не получится. Такими людьми восхищаются? Таким людям подражают?

– Здоровые – нет, – согласился Леон. – Но, может, у этого маньяка та же проблема, что и у Кристи?

– Частичная импотенция? Возможно. Но это никак не объясняет, почему он пошел тем же путем. Он чувствует родство с Кристи? Тогда он должен знать, что для него эта история добром не кончится. Кристи был пойман и повешен, а перед смертью – глубоко несчастен. Зачем это повторять?

Тут уже Леон не мог с ней спорить – он видел, что картинка не складывается.

– То есть, если бы он восхищался Кристи, он бы использовал его методы, но для новых преступлений?

– Верно, – кивнула Анна.

– Тогда что это, если не подражание?

– Вот тут у меня простого ответа нет, скажу честно, но есть несколько версий. Первая – он действительно насколько безумен, что подражает Кристи во всем, даже зная, что это приведет к его гибели. Эта версия наименее вероятна. Вторая – все это было устроено, чтобы скрыть другое преступление. В истории такое уже бывало: действия маньяка имитировали, отвлекая внимание следствия от другого убийства с гораздо более практичным мотивом.

– Ты серьезно считаешь, что это возможно? – поразился Леон. – Что кто-то мог убить трех человек, хотя на самом деле нужна была только одна смерть? Это невозможно!

– Возможно, и убивают порой куда больше, чем трех человек. Да и наш маньяк, скорее всего, еще не остановился... Есть вероятность, что он еще не убил ту жертву, которая на самом деле ему нужна! Или все это не ради убийства, а ради похищения Дениса Гордейчика, мальчика ведь не нашли. Есть у меня и третья версия: у этого убийцы свой мотив, личный, и мы его никогда не поймем, пока не узнаем об этом человеке все. Но третья версия, как видишь, пока нам ничего не дает, первая мне кажется слишком демонстративной, поэтому сосредоточимся на второй.

– Что именно ты предлагаешь?

– Изучим всех трех убитых внимательней, – ответила Анна. – Но уже не как жертв маньяка, а как женщин, которых кто-то хотел уничтожить, не важно, по какой причине. Может, так и доберемся до истины!

Он не сказал ей, что время истекает – у них оставалось все меньше шансов вернуть Дениса живым. Анна и сама это понимала. Но знала она и то, что мальчик пропал без следа, им просто негде его искать. А значит, нужно сосредоточиться на убийце – и на всех ошибках, которые он мог допустить.

* * *

Маньяк-подражатель – это уже серьезная угроза. Но маньяк, который даже не маньяк и действует непонятно ради чего, – совсем уж экзотическое насекомое, та дрянь, что неожиданно выползает на свет, распугивая всех вокруг, и неясно, что с ней делать.

Впрочем, мотив, каким бы он ни был, не делает убийства лучше или хуже. Люди все равно умирают, и от того, что их смертями, возможно, прикрывают другое преступление, легче не становится. В этом чувствовался какой-то чудовищный цинизм, и нужно было побыстрее придавить эту тварь, пока не пострадал кто-то еще.

Вот только преступник для них пока был незримым образом, скрывавшимся за подставленным им Вячеславом Гордейчиком. Поэтому Анна, как всегда, была права: им нужно было унять гнев и действовать спокойно, изучая одно дело за другим, от первого к последнему из известных им.

А первой была Алина Кисловская.

После ее смерти прошло уже несколько месяцев, и Леон был уверен, что место преступления потеряно навсегда. Но все оказалось не так просто: после убийства девушки квартира, которую она снимала, приобрела печальную известность. Мало кто готов был ложиться спать там, где лежал труп! А хозяйке хотелось долгосрочных жильцов, а не визитов на пару суток. Поэтому когда одна из подруг Алины предложила снять квартиру, хозяйка с готовностью скинула цену. Расчет был простой: пусть полгода тут поживет обычная студентка, хотя бы затраты покроет и за квартирой присмотрит, а к лету история забудется, можно будет найти более обеспеченных арендаторов.

Эта подруга, Марина, была единственной, кто согласился им помочь. Родители Алины были многодетными алкоголиками – из тех, что рожают не из любви к детям, а потому, что забыли вовремя купить презервативы. Они, казалось, даже не заметили потерю одной дочери. Алину они не любили, а после того, что вскрылось после ее смерти, еще и стеснялись.

А вот Марина относилась ко всему куда проще. Поселившись на месте преступления, она даже мебель менять не стала, и все здесь оставалось так, как в ночь убийства.

Новая владелица квартиры оказалась любительницей черного цвета, пирсинга и агрессивного макияжа. Марина не была глупа, она просто относилась ко всему на свете с львиной долей цинизма, защищавшего ее от любых переживаний.

– Заходите, – она кивком пригласила их в квартиру. – Хорошо, что утром пришли, я работаю по ночам. В баре, вы лишнего не подумайте!

– А мы и не подумали, – заверила ее Анна.

Тут Леон был с ней согласен: уж в чем-чем, а в занятиях проституцией Марину заподозрить было сложно. Вызвавший на ночь глядя такую «девочку» рисковал вмиг поверить в языческих богов.

– Я мало в квартире бываю, сплю только, – пояснила Марина. – Так что тут все осталось так, как было при Алинке.

– Мы можем осмотреть ее вещи?

– В спальне, в двух коробках в углу. Остальное не трогайте – это мое. Вы тут развлекайтесь, я, если что, на кухне, мне еще письмо надо написать.

Пока все складывалось даже лучше, чем они предполагали. Хотя даже если бы Марина воспротивилась, совсем как родители Алины, они бы ничего не потеряли: многое Леон уже прочитал в материалах уголовного дела.

Алина Кисловская не была проституткой в полном смысле слова. У нее была постоянная работа: продавцом в магазине одежды. Она была мало похожа на свою готическую подругу Марину: фотографии доказывали, что Алина была как раз типичной «девочкой, живущей по

соседству». Миловидной, скромно одетой, улыбчивой и очень, очень молодой – в двадцать один год она выглядела на шестнадцать и, зная об этом, почти не пользовалась косметикой, словно желая подчеркнуть эту запретную молодость.

А запретной молодость становилась по одной простой причине: Алина любила игры в изнасилование. Мужчина должен был изображать, что берет ее силой, иногда – бить ее и оскорблять. При расследовании ее убийства полиции удалось найти немало записей, доказывающих, что именно это доставляло Алине истинное удовольствие, никто ее ни к чему на самом деле не принуждал. Но по той же причине круг подозреваемых становился бесконечным: никто не брался сказать, скольких мужчин она приводила к себе домой.

Вещи, сохраненные Мариной, служили подтверждением уже известного вывода. Скромных платьев и длинных юбок здесь было не так уж много. В коробках валялись в основном наряды для ролевых игр, – медсестра, школьница, горничная, стандартный набор, – наручники, пластиковые стяжки, веревки, кляпы и прочие аксессуары, которых хватило бы на небольшой секс-шоп.

Все это не было преступлением – но открывало дорогу к ним. Алина приглашала в свой дом незнакомых мужчин, склонных к насилию – она ведь знала об этом, потому они и готовы были платить ей куда больше, чем обычной проститутке! Неужели она этого не понимала? Или считала, что раз она на все согласна, ее не тронут?

Многие действительно не трогали, годами. Но появился один, который «тронул», и этого оказалось достаточно. Смерть приходит всего однажды.

Анна надела перчатки и теперь рассматривала то сомнительное наследие, которое осталось после Алины. Леону даже касаться этого не хотелось, он наблюдал со стороны.

– Не понимаю, зачем ей это, – признал он. – Красивая девчонка же была!

– Ну и что? В этой параллели меньше логики, чем тебе кажется.

– Да она бы легко завела нормальные отношения, если бы хотела!

– Верно, но она не хотела. То, чем занималась Алина, – это сексуальное пристрастие, которое не так просто изменить. Ее это возбуждало, ей это было нужно. Типичный пример девиантного поведения, который никому не вредит. Она не одна такая. Я видела отчеты по тому мобильному приложению, которое она использовала для знакомства с мужчинами. Любители постановочного изнасилования – еще не худшее из зол. Там хватает тех, кто обсуждает педофилию, изнасилование своих бывших, садизм. Все это, по факту, незаконно, но вскрывать такие приложения и вычищать их – сизифов труд. Даже хозяева этих программ не знают, кто пользуется их услугами, и не несут никакой ответственности. Алину бы тоже никто не нашел, если бы она сама не давала мужчинам свой адрес.

На этой встрече Анна изображала из себя типичную следовательницу: строгий брючный костюм, прямые черные волосы до плеч, глаза скрыты за стеклами очков. Она выглядела профессионалом, она говорила, как профессионал, и ей легко было поверить. Женщина, приехавшая с ним, была не похожа на богемную диву из квартиры Мецгерского или спортивную, подтянутую девушку, обыскивавшую жилище Гордейчиков.

Три разных человека – но при этом один человек. Эта ее способность к перевоплощению позволяла верить ее рассуждениям о человеческой природе.

– Допустим, разработчиков и всех извращенцев не прищемить, – вздохнул Леон. – Но ты сама сказала: преступления бы не было, если бы Алина не хотела этого. Так зачем ей изнасилование? Разве это не противоестественно?

– Не изнасилование, а фантазия об изнасиловании.

– Это не одно и то же?

– О нет, разница огромна, – указала Анна. – Фантазия об изнасиловании – это более пространное явление, чем тебе кажется. А знаешь, почему? В основе-то не секс, на самом деле. Просто такое мнимое изнасилование снимает с женщины любую психологическую ответ-

ственность. Общество учит быть скромной, сдержанной, думать о себе, о муже, о будущих детях, о целомудрии, репутации и так далее. Изнасилование, в свою очередь, освобождает ее от мук выбора. Мол, не виноватая я, он сам пришел. Можно расслабиться и получать удовольствие, а при любых последующих проблемах разрыдаться и указывать, что ее изнасиловали, она ни в чем не виновата. Именно на фантазии об изнасиловании строится успех всех книг, фильмов и прочих сомнительных произведений о властном герое и покорной, подозрительно смахивающей на овцу героине. Взрослая женщина несет ответственность за свою жизнь. Незрелая женщина ищет оправдание в том, что ее заставили, вот и весь секрет. При этом в фантазии об изнасиловании предполагаемый насильник – это всегда красавец, чистый, ухоженный, приятно пахнущий и ублажающий свою партнершу, несмотря на ее пiski «нет, не надо». Вот в чем главная опасность таких игр, но некоторые, увы, этого не поймут никогда.

Леон только укоризненно покачал головой, ему сложно было представить, как можно верить в такой бред. Типичный насильник – ухоженный красавец? Да черта с два! Типичный насильник – это тот, кому в сексе отказали все, кто только мог, включая дупло в городском парке. Он идет на преступление, и преступление это не будет ни красивым, ни романтическим.

Но Алине Кисловской долгое время везло, и она расслабилась, поверила, что можно не осторожничать. А потом пришел тот самый злой и страшный серый волк, которого сказки велют бояться, но все почему-то об этом забывают...

– Слушай, не хочу показаться циником, но уместно ли в ее случае говорить об изнасиловании, как указано в отчете? – спросил Леон. – Если этого она и хотела...

– Она хотела не совсем этого. Для таких, как Алина, игра в изнасилование – это своего рода прелюдия, которая ведет к возбуждению. Соответственно, сам сексуальный акт проходит добровольно и никому не вредит. Но в отчете сказано, что Алина была именно изнасилована, со всеми сопутствующими травмами.

– То есть, у них сразу все пошло не по сценарию?

– Вроде того.

Леон посмотрел на дверь, через которую они вошли, потом – на кровать. Расстояние небольшое, но места для сопротивления все равно хватает. А соседи говорят, что не слышали ни криков, ни борьбы.

Скорее всего, сначала клиент вел себя спокойно. Он понравился Алине, она впустила его в квартиру и пошла с ним в спальню. Следовательно, кого бы они ни искали, этот тип точно не урод.

Но уже в постели он напал на нее, а она, оказавшись под ним, ничего не могла изменить. Так что он еще и сильный... На первой жертве он испытывал себя, после этого – затаился на несколько месяцев. Он проверял, какой будет реакция, сможет ли кто-то выйти на его след. Но прошли месяцы, а полиция в его дверь так и не постучала. Он понял, что у него все получилось, и приступил к следующему этапу своего плана.

– Значит, первая жертва Кристи тоже была проституткой... – задумчиво произнес Леон.

– Да, и куда более несчастной, чем Алина Кисловская, – ответила Анна. – Потому что Алине это нравилось, а у Рут Фуерст просто не было выбора.

– Так уж и не было?

Леон не слишком любил такие аргументы. Не было выбора – пошла телом торговать! Неужели не было другой работы? Всегда нужны посудомойки, медсестры, няньки, сиделки... Да кто угодно! Но порой между продажей тела и грязной работой внезапно побеждает первое.

Однако Анна была непреклонна:

– Иногда случается и так. Стоял сорок третий год, шла война, а Рут Фуерст была австрийкой, бежавшей в Англию. Ее положение было уязвимым с самого начала. Многим тогда приходилось нелегко даже в кругу родных и друзей, знакомых с детства, для Рут же все сложилось иначе. У нее была дневная работа, но на жизнь ей не хватало. Она не работала проституткой,

но, по признанию ее знакомых, иногда подрабатывала, когда с деньгами становилось совсем туго. Она была красивой и очень молодой – двадцать один год, как и Алине. Ее покупали.

– И однажды купил Кристи?

– Да, подцепил у кабака. Ему было не впервой, услугами проституток он пользовался часто. Но именно Рут Фуерст стала его первой жертвой. Позже, когда его поймали, Кристи признавался, что это было скорее импульсивное решение, в один момент: он схватил веревку и задушил ее. Тогда он и почувствовал власть над чужой жизнью – а для серийных убийц это особое удовольствие, от которого они просто не могут отказаться.

– Ну а его жена что, спокойно отнеслась к тому, что муж с проституткой развлекался? Или это не у него дома было?

– У него, – указала Анна. – Но его жены не было дома, она часто уезжала, и он пользовался этим. Дом, в котором жил Кристи, был чем-то вроде коттеджа, но на несколько семей. При доме был небольшой дворик с садом, там он и закопал тело Рут. Ее так и не нашли, да и мало кто искал. А Кристи получил первую жертву и вошел во вкус, отныне жесткого секса и изнасилований ему было мало.

Она сложила вещи Алины обратно в коробки и сняла перчатки. Леон понятия не имел, что она надеялась там найти, ему просто хотелось уйти отсюда.

Они заглянули на кухню, где работала за компьютером Марина. Леон все меньше понимал ее: как можно жить рядом с таким? Интересно, она хоть матрас на кровати сменила? Или просто перевернула другой стороной? Или не переворачивала? Он уважал людей, которые были свободны от любых суеверий и предрассудков, но тут просто клинический случай какой-то!

– Уже все? – полюбопытствовала Марина.

– Да, спасибо.

– С чего вдруг за этот случай снова взялись? Мне жалко Алинку, но мне казалось, что дело – труба, ничего ведь не нашли, ни одной улики!

– Ее убийство связали с другим преступлением, потому и проверяем, – пояснила Анна. – Скажите, у нее не было врагов? Она никого не боялась, не нервничала в последнее время?

– Пф, даже не начинайте! – рассмеялась Марина. – Простите, что ржу тут, но вы просто не знали Алинку, а то бы сами поняли, что это смешно! Она не боялась ни бога, ни черта. Она жила в кайф, ей немного было нужно для счастья. Можете осуждать ее сколько угодно, но она даже в этой своей подработке кайф ловила. Ей никто не был нужен, она ни с кем не откровенничала, у нее все было хорошо. Вот такие люди и нужны этому миру!

С этим Леон как раз готов был поспорить, но не стал. Зачем? «Таких людей» уже не вернешь, Алина мертва – и убийцу она не назовет.

Они покинули квартиру, а Марина не стала их провожать, Леон даже не был уверен, что она заперла за ними замок. Смелость – это, конечно, хорошо, но... такая смелость напоминала ему судьбу бабочки, которая не собирается жить дольше лета.

Уже на лестнице Анна сказала ему:

– Это не она. Вся эта история началась не ради Алины Кисловской.

– Мне тоже так кажется. Я вот как это вижу: он все спланировал, продумал, а когда решил начать, стал подбирать девочку со своей квартирой.

– Да, и то, что Алина изначально была настроена на имитацию насилия, значительно упростило ему жизнь.

Если убийца хотел испытать себя, ему было чем гордиться. Он сработал чисто: ни одной улики, ни одного следа, никто его не видел. Не сохранилось переписки! И, судя по фотографиям тела, он не колебался, когда душил молодую девчонку.

А ведь и правда...

– Не слишком ли профессионально он сработал? – задумчиво поинтересовался Леон.

- То есть?
- Я про то, как он ее задушил... Дима связал эти убийства по характерной петле, так?
- Ты и сам знаешь, что так.
- Она действительно была одинаковой во всех случаях, четкой и ровной!
- Слушай, в этом что-то есть, – нахмурилась Анна. – Слишком четко для первого тренировочного убийства.
- Думаешь, оно не было первым?
- Ты знаешь... Как убийство, скорее всего, первым. Но эта четкость... Если он психопат, тогда понятно: они лишены эмпатии, и то, что он душил молоденькую девушку, для него было просто работой, рука не дрогнула и не могла дрогнуть. А возможно, он просто тренировался на ком-то...
- И этот кто-то молчал?
- Анна сняла очки, образ больше был не нужен. Она посмотрела на него и невесело усмехнулась.
- Есть те, кто всегда молчит, и те, кто этим пользуется. Думаю, нам пора обратиться к санитарам большого города.
- К полиции, что ли? – смутился Леон.
- Почти – к проституткам.
- Не смешно – я ведь тоже из полиции, если ты не забыла! На кой нам проститутки?
- Потому что они обычно молчат, – пояснила Анна. – Я говорю о тех девочках, что работают на улицах, а не о более гламурной версии вроде Алины, да будет земля ей пухом. Именно проститутки первыми принимают на себя удар садистов, извращенцев и серийных убийц. Они – самые уязвимые жертвы, самые доступные, я уже рассказывала тебе об этом. Они редко говорят о том, что с ними делают, почти никогда... И наш подражатель, назовем его так, мог воспользоваться этим.
- Но ты правильно сказала: они неразговорчивы. С чего ты взяла, что нам они исповедуются? Да и потом, мы же не можем опросить всех проституток Москвы!
- Анна, уже добравшаяся до машины, остановилась, повернулась к нему и мягко улыбнулась.
- Верно, чтобы получать нужные ответы, необходимо задавать правильные вопросы, да еще и в правильных местах.
- И ты такое место знаешь?
- Знаю. Но чтобы нас туда пустили, тебе, боюсь, придется меня немножко придушить. Так что если ты хотел отомстить мне за былые обиды – вот твой шанс.

* * *

Такой возможности у нее уже давно не было. Лидии едва удавалось сдержать улыбку, но она старалась, ей хотелось, чтобы ее воспринимали всерьез.

Ей до сих пор сложно было поверить в то, что Леон – ее бывший муж, теперь уже официально. Любовь здесь была не при чем, просто Лидия привыкла управлять своей жизнью. Она вышла замуж, когда захотела, за того человека, которого выбрала сама, даже если он, наивный, верил, что выбирает он. Она решала, сколько они будут вместе и когда ему позволено уйти.

А он взял и развелся с ней! Порвал все те нити, которые она считала такими прочными... Она осталась одна, да еще и с этим дурацким младенцем в ее теле, который превращал ее в жирную корову и мешал ей начать новую жизнь. Да, благодаря Леону у нее были деньги, была своя квартира, однако Лидия не чувствовала себя главной. Ей казалось, что ее использовали и бросили, как надоевшую вещь.

Хуже всего то, что она никак не могла отомстить Леону. Она уже сделала, что могла – развела Диму с его клушей-женой. Так это она еще ему услугу оказала! Зачем ему эта старая тетка, совершенно переставшая за собой следить? Но Лидии этого было мало. От мысли о том, что Леон не просто бросил ее, а ушел к *другой женщине*, становилось только хуже. Ей хотелось отплатить ему, но она не могла...

До сегодняшнего дня.

– Значит, вас интересует Анна Солари? – поинтересовалась она, потягивая вино из тонкого хрустального бокала. Она не настолько любила этого младенца, чтобы совсем отказаться от алкоголя, но пила мало и редко – ей не нужно было, чтобы родился какой-то уродец!

– У нее сейчас другое имя, но да, мы говорим об одном человеке. Есть все основания полагать, что она много времени проводит с вашим мужем...

– Бывшим мужем, – уточнила Лидия. Неожиданный гость все больше интриговал ее, она всегда умела чувствовать влиятельных людей, и это был один из них. – И да, если она в Москве, она с ним. Иначе и быть не может!

– Все может быть иначе, если ее не станет, – многозначительно произнес собеседник.

– А это возможно?

– Все возможно, просто чего-то добиться легче, чего-то – сложнее.

Он ни разу не сказал, что собирается делать что-то незаконное. Да и кто бы в таком открыто признался? Но Лидия не сомневалась: это как раз то, что нужно. Анна Солари – достаточно паскудное создание, чтобы насолить многим уважаемым людям. Рано или поздно кто-то из них должен был заинтересоваться ею!

Правда, Лидию удивляло то, что к делу привлекли ее. Но повод ведь на виду: она с недавних пор бывшая жена, у нее есть свои причины ненавидеть предполагаемую соперницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.